

Государственный Исторический музей

**ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДСТВА
ДЕКАБРИСТОВ**

Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому

Том 2

Нестор-История
Санкт-Петербург
2008

УДК 947.073.1
ББК 63.3(2)521-425

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 06-01-16010д

Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. Т. 2. — СПб.: Нестор-История, 2008. — 342 с.

ISBN 978-59818-7260-0

В документальном издании впервые публикуются письма участников декабристского движения к одному адресату — известному военному деятелю XIX в. Н. Н. Муравьеву-Карскому. Представленные в томе 314 писем — вторая половина архивной публикации из фондов Государственного Исторического музея, первая часть которой вышла в 1975 г. Основной объем публикации составляют письма брата адресата А. Н. Муравьева, в издание также вошли письма А. И. Якубовича, З. Г. Чернышева, В. Д. Вольховского, Н. П. Воейкова и других декабристов.

Публикуемые документы включают сведения по истории пребывания декабристов на Кавказе и в сибирской ссылке. Письма содержат ценный материал для характеристики духовного мира и идеологии декабристов, эволюции их взглядов после 1825 г., общественных настроений 1820-х—1860-х гг., в частности, отклики на проведение крестьянской реформы 1861 г., другие крупные исторические события этого периода, генеалогические и социально-экономические данные.

Подготовка текста, вступительная статья, комментарии

И. С. Калантырской

Научная редакция
д.и.н. **В. М. Боковой**

Рецензенты:
д.и.н. **О. И. Киянская**,
д.и.н. **Ф. А. Петров**

9 785981 872600

- © Калантырская И. С., подготовка текста, вступительная статья, комментарии, 2008
- © Издательство «Нестор-История», 2008

От редакции

Первый том этой книги, подготовленной известным архивистом, долголетним сотрудником Отдела письменных источников Государственного Исторического музея Ириной Сергеевной Калантырской (1926–2002), вышел еще в 1975 году. Тогда же Ирина Сергеевна начала работу над вторым томом декабристского эпистолярия из фонда Н. Н. Муравьева-Карского и успела не только подготовить весь текст публикации, но и набросать вчерне вступительную статью и начать работу над комментариями. Работа эта продолжалась почти все время тяжелой и мучительной болезни, приковавшей публикатора к постели, но так и не могла быть завершена без посторонней помощи. Из-за этого второй том выходит с опозданием более чем на четверть века.

В основу издания положены те же принципы, что и при работе над первым томом. Сборник подготовлен с соблюдением современных требований к изданию исторических источников. Письма печатаются целиком, на языках подлинников; переводы даны в подстрочнике. Тексты публикуются с учетом принятых ныне правил орфографии и пунктуации, но с сохранением всех основных стилистических и грамматических особенностей оригиналов. Воспроизводятся авторские подчеркивания в текстах подлинников и авторская же разбивка на абзацы.

Письма расположены в хронологическом порядке и в большинстве случаев сгруппированы по авторам. В конце писем даются их архивные легенды, состоящие из номера фонда и единицы хранения, а также первоначального номера книги писем, адресованных Н. Н. Муравьеву-Карскому, и номеров листов. Наименование архива в легенде не дается, поскольку все письма извлечены из одного фонда.

Части текста, восстановленные публикатором, даются в квадратных скобках; ремарки публикатора (текстологические замечания, даты писем и указания на местопребывание автора) напечатаны курсивом.

Дополнения и редакционная правка вступительной статьи и комментариев, подготовленных И. С. Калантырской, были согласованы с автором.

Вступление

Второй том издания «Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому» является продолжением публикации писем из фонда Н. Н. Муравьева-Карского (Ф. 254), хранящегося в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея. Вышедший в 1975 г. к 150-летию восстания декабристов сборник того же названия был первым томом писем декабристов из этого фонда. Опубликованные в 1975 г. и подготовленные к настоящей публикации письма являются частью личной переписки известного военачальника XIX в., наместника Кавказа и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, автора автобиографических записок и работ по военной истории Николая Николаевича Муравьева-Карского (1794–1866), который в 1814–1816 гг. был одним из организаторов и активных членов преддекабристского объединения Священная артель. Всего в фонде хранится 597 писем и 11 приписок (608 текстов) 18 декабристов за 1810–1863 гг. В первом томе было опубликовано 283 письма (с приписками — 294 текста) за 1810–1834 гг. Он является тематически законченным сборником писем, относящимся к жизни 11 декабристов и их деятельности в ранних преддекабристских и декабристских организациях в Петербурге, Москве, Тульчине.

Материалы первого тома позволили значительно дополнить и пересмотреть ряд вопросов из раннего периода движения декабристов, связанных с деятельностью Священной артели, Союза спасения и Союза благоденствия. Во вступительной статье к первому тому «Неизвестные письма декабристов Н. Н. Муравьеву-Карскому — новый источник по истории движения декабристов» была дана источниковедческая оценка значения для исторической науки всего сохранившегося комплекса писем и показана научная целесообразность полной его публикации, которая не нарушила бы цельности представления о переписке декабристов с ним. В вышедших вслед за первым томом исследованиях и обзорах литературы о декабристах многочисленные ссылки на эти материалы подтвердили научную необходимость дальнейшей публикации писем¹.

Во второй том включены 314 писем десяти декабристов: А. А. Оленина (1 письмо, 1816 г.), А. И. Якубовича (18 писем, 1818–1821 гг.), А. А. Авенариуса (14 писем, 1823–1827 гг.), П. А. Муханова (2 письма, 1825 г.), И. П. Шипова (8 писем, 1829–1835 гг.), С. П. Шипова (2 письма, 1831–1832), В. Д. Вольховского (5 писем, 1833, 1836 гг.), А. Н. Муравьева (212 писем, 1834–1863 гг.), З. Г. Чернышева (51 письмо, 1839–1861 гг.) и М. И. Муравьева-Апостола (1 письмо, 1863 г.). В качестве приложения к этому составу писем в томе помещено письмо Н. П. Воейкова 1826 г. из Петербурга, написанное через несколько дней после освобождения из-под следствия по делу декабристов. Оно включено во второй том, так как имеет непосредственное отношение к А. И. Якубовичу, письма которого публикуются в этом томе. Письма впервые вводятся в научный оборот в полном объеме².

Рассматривая в хронологической последовательности включенные в том письма, следует прежде всего указать на отсутствие, в отличие от первого тома, единой сквозной темы. Здесь письма группируются по авторам и годам, и лишь с 1830-х годов

прослеживается некоторая одновременность писем разных авторов. Тематические переключки встречаются только в письмах А. Н. Муравьева и З. Г. Чернышева.

Письма, включенные во второй том, можно разделить на несколько групп и тем.

К первой группе относятся письма А. И. Якубовича, П. А. Муханова, А. А. Авенариуса, В. Д. Вольховского и И. П. Шипова, которые являются новыми ценными источниками о пребывании этих декабристов на Кавказе задолго до восстания 1825 г. (А. А. Авенариуса, П. А. Муханова и А. И. Якубовича) и после разгрома движения (А. А. Авенариуса, И. П. Шипова и В. Д. Вольховского). Особенно замечательны письма А. И. Якубовича и А. А. Авенариуса, которые относятся к общей теме — декабристы на Кавказе в период с 1818 по 1825 г., т. е. в тот период общественной жизни России, когда в ее центре оформились и действовали тайные общества. Письма представляют несомненный интерес для выяснения некоторых научно значимых вопросов, уже поставленных в декабристоведческой литературе — например, о предполагаемом Кавказском тайном обществе.

Вторую группу составляют письма И. П. и С. П. Шиповых, В. Д. Вольховского, А. Н. Муравьева и З. Г. Чернышева. Они также более или менее связаны единой темой и являются ценными источниками для изучения поздних этапов биографий участников декабристского движения. Письма, относящиеся к концу 1840-х — 1850-м гг., определяют общественные позиции их авторов. Самый крупный комплекс этой группы составляют письма А. Н. Муравьева, являющиеся продолжением его более ранней переписки, помещенной в первом томе. Они относятся к периоду его жизни от 1834 г., т. е. от выезда из Тобольска в Вятку, и до смерти автора в 1863 г. Письма отразили все этапы жизни этого декабриста и его трудный служебный путь, весь посвященный борьбе со злоупотреблениями, взяточничеством, несправедливостью. В письмах, относящимся к каждому из этапов этого пути, А. Н. Муравьев пытался определить характер и цели своей деятельности. В период его службы в Нижнем Новгороде в письмах отразилось его участие в проведении крестьянской реформы и отношение к ней.

Другим, также крупным комплексом этой группы являются письма З. Г. Чернышева. Они отразили несколько периодов его жизни после выхода в отставку: от времени безвыездного пребывания в Яропольце до подготовки к отъезду в Италию для лечения в 1861 г. Н. М. Дружинин когда-то отмечал, что сохранились лишь отрывочные сведения о последних десятилетиях жизни Захара Чернышева³. Благодаря публикуемым письмам они могут быть значительно дополнены.

Короткое, лаконичное письмо М. И. Муравьева-Апостола 1863 г., также входящее во вторую группу, вносит уточнения в существующие в литературе сведения об исходатайствовании ему разрешения носить боевые награды 1812 г.

Переходя к вопросам исследования этих писем как исторического источника о движении декабристов и их биографиях, следует вспомнить, что публикуемые материалы — часть семейной и дружеской переписки, в которой бытовые темы занимают большое место. Степень дружеской близости авторов с Н. Н. Муравьевым различна. Это отразилось и на содержании писем. Со старшим братом Александром Николаевичем Н. Н. Муравьева связывали не только родственные, но и самые близкие дружеские отношения. В родстве с Н. Н. Муравьевым также состояли приходившийся ему шурином З. Г. Чернышев и М. И. Муравьев-Апостол. С авторами

остальных писем Н. Н. Муравьев был знаком в основном по службе на Кавказе, а иногда еще раньше, по Петербургу. Судя по содержанию, все письма, кроме одного послания И. П. Шипова от 1831 г. (о котором упоминается в его последующем письме), были сохранены Муравьевым.

Ниже мы остановимся на четырех крупных комплексах писем — А. И. Якубовича, А. А. Авенариуса, А. Н. Муравьева и З. Г. Чернышева, составляющих основу данного сборника.

А. И. Якубовича современники считали натурой поэтической, романтической, восхищались его храбростью. Пушкин называл его в ноябре 1825 г. героем своего воображения⁴. Д. В. Давыдов писал в 1824 г., что видит в нем «героя, который уже третий год питает [его] душу своими богатырскими и великодушными деяниями, несущими на себе отпечаток чего-то исторического, веющими запахом времен поэтических»⁵. Но в литературе о декабристах противоречиво толкуется облик А. И. Якубовича и его взгляды⁶. Обычно ссылаются либо на известное его письмо Николаю I, написанное уже после восстания 14 декабря, либо на очень разные по степени своей достоверности высказывания отдельных лиц, в том числе и декабристов.

Было высказано мнение, что «правильному пониманию облика Якубовича препятствует и крайняя скудость биографических материалов» — отсутствие (гибель) его мемуаров и незначительный объем сохранившегося эпистолярного наследия⁷. Опубликовано его следственное дело⁸. Это дело, письмо Николаю I из Петропавловской крепости (от 28 декабря 1825 г.), а также высказывания других декабристов на следствии, и являются основным материалом для исследователей при изучении его жизни до восстания 1825 г. В основном объектом изучения становятся 1824–1825 гг., когда Якубович приезжает лечиться с Кавказа в Петербург — это время его участия в тайном обществе.

Сохранившаяся незначительная часть наследия А. И. Якубовича опубликована в разных изданиях. От периода 1823–1825 гг. известны письма к нему от А. Вельминова (одно письмо 1823 г.), Д. В. Давыдова (шесть писем 1824–1825 гг. и без даты), А. И. Толстого (одно письмо 1825 г.). Письма самого А. И. Якубовича связаны со временем пребывания в Петропавловской крепости (к отцу И. А. Якубовичу и Николаю I, упомянутое выше) и, в основном, с сибирским периодом: из Иркутска к отцу от 25 августа 1826 г. и Ф. И. Гавриленко (август 1826 г.); А. А. Бестужеву-Марлинскому (февраль 1837 г.), С. Р. Лепарскому (18 февраля и 15 марта 1838 г.), Я. Д. Казимирскому (26 февраля 1838 г.), письмо сестре (20 июня 1841 г.). М. К. Азадовский доказал авторство Якубовича в отношении статьи «Отрывки с Кавказа...» и ввел в научный оборот письмо к А. А. Бестужеву-Марлинскому⁹. Таков известный ныне круг источников. Автографов Якубовича и материалов из его личного архива, относящихся к периоду до восстания, почти не встречается. Это делает каждый автограф А. И. Якубовича особенно ценным для дальнейших исследований.

Публикуемые письма относятся к важному для биографии Якубовича периоду его пребывания на Кавказе с августа 1818 г. до 26 февраля 1821 г. По своему содержанию письма не позволяют говорить о системе взглядов их автора, но они во многом дополняют и уточняют биографию Якубовича того периода, характеризуют его окружение, занятия, взаимоотношения с русским командованием в Грузии;

в них находятся также некоторые сведения о его утраченных литературных произведениях, посвященных Кавказу.

В «Записках» Н. Н. Муравьева имя Якубовича неоднократно встречается в записях 1818–1822 гг. Впервые он упоминает о прибытии корнета л.-гв. Уланского полка Якубовича из Петербурга на Кавказ 15 февраля 1818 г.¹⁰

В мае 1818 г. появляется запись, соответствующая первым письмам А. И. Якубовича к нему. В это время Н. Н. Муравьев составлял описание Грузии, очевидно, по заданию Генерального штаба. «Я просил Якубовича участвовать в моих занятиях, касательно сведений, собираемых мною для описания Грузии, чтобы он сделал мне описание Кахетии, — писал Муравьев, — на что он охотно согласился»¹¹. Два письма А. И. Якубовича относятся именно к этому периоду его деятельности. «Ваше препоручение я выполнил в точности и, по возможности собрав сведения, написал некоторые из статей, находящиеся в нашей программе», — писал он в середине августа 1818 г. В следующем по времени письме он сообщал: «Я разделил Вашу программу и начал описывать Кизих, где с помощью почтенного коменданта могу подробно узнать необходимое для вернейшего определения ответов на заданные мне вопросы». (25 августа 1818 г.).

До сих пор исследователи, по-видимому, не обращались к приведенной выше записи Н. Н. Муравьева. Теперь, на основании этой записи и публикуемых писем самого Якубовича, очевидно, можно считать, что сбор сведений о Кахетии послужил началом и не дошедших до нас записок Якубовича о Кавказе, материалом, в дальнейшем обработанным им и пополненным другими, собственными впечатлениями. Часть из этих записок — «Отрывки о Кавказе» — была опубликована в 1825 г. в газете «Северная пчела»¹².

Как известно, Якубович хорошо изучил Кавказ за время своего пребывания там (1818–1823 гг.) и любил о нем рассказывать. «Многочисленные повторяемые им рассказы, — пишет М. К. Азадовский, — воспринимались слушателями как отдельные литературные произведения»¹³. Тогда же, в 1818 г., могли быть собраны первые сведения о районах, близких к Кизиху — Сигнахе и Телаве (где он сам часто бывал для сбора сведений), упоминаемых им в 1837 г. в письме к А. А. Бестужеву-Марлинскому (на Кавказ) по поводу повести последнего «Мулла-Нур»¹⁴. Таким образом, помимо сообщения биографических сведений о деятельности Якубовича в первые месяцы его службы на Кавказе, письма намечают некоторые пути поиска и изучения описаний отдельных районов Кахетии и города Кизиха, составленных им.

Вторая небольшая группа писем этого же года относится ко времени после известной дуэли Якубовича с А. С. Грибоедовым 23 октября 1818 г.¹⁵ Три письма, в которых идет речь об этом поединке — два ноябрьских и одно от 9 декабря — пока единственные известные автографы Якубовича на эту тему. Секундант Якубовича Н. Н. Муравьев сыграл немалую роль в том, что наказание дуэлянту было смягчено. Якубович надолго сохранил чувство благодарности к Муравьеву. «Благодарен, много благодарен Вам за все, Вами сделанное, — писал он, — дай Бог, чтобы я имел случай показать, сколь много чувствую себя Вам обязанным. Я теперь надолго Ваш должник, и за удовольствие считаю признать себя обязанным Вам» (9 ноября 1818 г.).

Через Муравьева Якубович, лишившись права выезжать из Карагаача в Тифлис, узнавал о здоровье Грибоедова и об общественном резонансе, который имела

эта дуэль. Судя по письмам, Якубович в этот период относился к Грибоедову очень доброжелательно, с мягкой иронией переносил его насмешки. Это объясняется тем, что обе стороны рассматривали свою встречу как поединок не только чести, но и долга. «Пожалуйста, пишите о здоровье Грибоедова и толках тифлиских; я с нетерпением ожидаю Ваших писем», — писал Якубович в ноябрьских письмах, и далее: — «Я рад, что Грибоедов остался Грибоедовым, и Вы его узнали. Излечившаяся его рана меня успокоила. Пусть только он скорее едет в Персию, а эта колкость и острота, которая не у места в Вашем кругу, не всегда может нравиться, и дурные последствия бывают наградой дурных привычек, останется на счет другим».

Положение человека, понесшего наказание, очень тяготило Якубовича, хотя и это наряду с жалобами вызывает у него ироническое замечание, что «от Адама до Александра Якубовича за запрещенное выгоняли, и я не в претензии, что тем кончилось» (9 декабря 1818 г.). Он неоднократно просит Н. Н. Муравьева «принять хоть малейшее участие в моем огорчении насчет запрещения ездить в Тифлис — последнее удовольствие, в Грузии оставшееся... Но угодно было мудрейшим лишить меня последнего; я привык к подобным неудовольствиям и пренебрегаю как мои несчастья, так и виновников оного» (ноябрь 1818 г.).

В это время в связи с усложнившимися обстоятельствами у Якубовича возникла мысль оставить службу. В публикуемых письмах он несколько раз возвращался к этой теме и писал, с каким нетерпением ожидает приезда в Карагаач А. П. Ермолова, как для того, чтобы вернуть себе право выезжать в Тифлис, так и для того, чтобы, «если можно», выйти в отставку.

Якубовича связывали с Муравьевым не только указанные выше служебные и личные отношения. В начале октября 1818 г. Муравьев записывал: «Вечер провел у меня Якубович. Его образ мыслей насчет многих предметов мне очень понравился»¹⁶. Эта запись дает ключ к пониманию многих высказываний Якубовича в публикуемых письмах. Очевидно, их связывало с Муравьевым единство общественно-политических и сословных взглядов — «чувства чести и любви к свободе», о которых писал Якубович.

В письмах содержатся сведения о частых дружеских встречах и беседах, которых Якубович всегда ожидал с нетерпением. К этому обычно присоединялись упоминания о напряженных отношениях с корпусным и полковым начальством. Причин этих отношений автор не называл, поскольку адресату они, вероятно, были известны. При дальнейших исследованиях кавказского периода жизни Якубовича, очевидно, понадобится учитывать эти сведения для выяснения объективных условий его положения на Кавказе¹⁷. Особенно интересно в этом отношении письмо, написанное после возвращения Муравьева из экспедиции в Хиву: «Год Вашего отсутствия из Грузии был мне десятью; в течение этого времени я не был в Тифлисе, несчастья и новые неприятности, которые постоянное самих уставов природы, еще более дали мне право сказать — я несчастлив! И это отрада в моем положении — гоним вышним начальством, отринут и заброшен здешним, — все это вселяет в меня дух неприязни ко всему, меня окружающему. Я Вас уважаю и люблю! Буду следовать Вашему совету. Скоро приеду в Тифлис, объясню мое намерение, и уверен, что чувства чести и любовь к свободе, так много Вами уважаемые, будут в этом случае говорить в мою пользу» (14 марта 1820 г.).

Письма второй половины 1820 г. и 4 февраля 1821 г. относятся к участию Якубовича в военных экспедициях. Новый материал сообщается в февральском письме из Карагаача об отряде местного (лезгинского?) князя Карели. Письмо написано об-разным языком, и по теме и манере изложения перекликается с упомянутой выше статьей о Кавказе, напечатанной в «Северной пчеле» за 1825 г. В связи с письмами об участии в военных действиях встает вопрос об уточнении служебной биографии Якубовича, в частности — о времени его службы в отряде князя Эрística.

Основным местом пребывания Якубовича в 1818–1821 гг. был Карагаач. Этот город в Кахетии с ноября 1813 г. был штаб-квартирой Нижегородского драгунского полка. М. В. Нечкина в своей книге «Грибоедов и декабристы» называет Карагаач одним из трех центров на Кавказе, в которых велось оживленное обсуждение политических вопросов и развивалась передовая идейная жизнь. Письма не определяют окружения Якубовича в Карагааче или Тифлисе, но дополняют известные сведения несколькими новыми именами, свидетельствуют о тесных дружеских отношениях с Н. П. Воейковым, М. И. Унгерном, о знакомстве с Г. Гордеевым (арестованным в 1818 г. по подозрению в создании на Кавказе политического тайного общества; см. первое письмо от 1819 г.).

В конце февраля 1821 г. переписка Якубовича с Муравьевым прервалась. В марте 1821 г. Муравьев уехал во вторую командировку в Туркмению. К концу марта относится последнее упоминание в «Записках» о встрече с Якубовичем¹⁸. Тем не менее, очевидно, дружеское отношение к Якубовичу осталось у Муравьева на всю оставшуюся жизнь. По письмам различных лиц (в том числе письму Н. П. Воейкова, помещенному в настоящем издании) ему было хорошо известно об участии Якубовича в восстании декабристов в 1825 г. Много лет спустя, редактируя свои «Записки», Муравьев не вычеркнул из них записи о Якубовиче: «Человек сей привязан ко мне без меры, и всяк, зная его любовь, должен дорожить ею; отличные качества его достойны всякого уважения»¹⁹. Письма Якубовича дают ключ к пониманию такой оценки, данной человеком придирчиво-требовательным.

Письма Александра Андреевича Авенариуса за 1823–1827 гг., помещенные во втором томе, представляют значительный интерес для декабристоведов, так как в истории декабристского движения жизнь и деятельность этого члена раннего тайного общества мало известны. По существу, письма Авенариуса к Н. Н. Муравьеву — первые известные нам эпистолярные документы этого декабриста. Исследователи располагают пока очень скудными сведениями о нем, о его участии в тайном обществе и деятельности на Кавказе. Правда, в их руках находится такое важное и бесспорное свидетельство его принадлежности к тайному обществу, как показание П. И. Пестеля о том, что в 1817 г. он принял в Митавскую «отрасль» Союза спасения старшего адъютанта 25-й пехотной дивизии майора А. А. Авенариуса²⁰. Очевидно, следует предположить, что в эту пору Пестель был с Авенариусом в близких и дружеских отношениях.

Дальнейшие сведения о нем ограничиваются отрывочными данными и относятся к его службе на Кавказе. В феврале 1821 г. Авенариус был переведен на Кавказ и назначен командиром 41-го егерского полка. В «Записках» Муравьева-Карского конца 1822–1824 г. встречается несколько записей, относящихся как к приему

Авенариуса на Кавказе, так и к его командованию полком²¹. В 1826 г., в ответ на предписание из Петербурга об учреждении секретного надзора за Авенариусом в период следствия по делу декабристов, А. П. Ермолов охарактеризовал его как офицера усердного, исполнительного, «безмолвного» и командира полка из числа наилучших. Интересно отметить, что отзывы Ермолова и Н. Н. Муравьева, данные в разное время и при разных обстоятельствах, в основном совпадают. Судя по этим отзывам, Авенариус, действительно, принадлежал к числу лучших и исполнительных командиров, а эпитет «безмолвный» был, возможно, придуман Ермоловым, чтобы создать в представлении властей образ труженика-командира, беспрекословного исполнителя высшей воли, для усиления «серого тона».

Судя по «Запискам» Муравьева, Авенариус был переведен на Кавказ и получил там полк не без поддержки генерала И. А. Вельяминова, который был знаком с ним раньше. В Тифлисе русское командование и офицеры в полку встретили его недружелюбно. Ермолов хотел сместить его²². Трудно представить, чтобы в такой обстановке Авенариус смог сразу войти в круг передовых офицеров Кавказского корпуса. Его товарищеские связи стали устанавливаться, по-видимому, значительно позже. Письма Авенариуса к Муравьеву относятся как раз к этому, более позднему времени. Они датируются тем периодом (до 1825 г.), когда на Кавказе могло действовать общество вольнолюбивых, демократически настроенных офицеров, которые могли знать о существовании политических тайных обществ в центре и на юге России и, возможно, знали их программные документы, но сами вряд ли организационно оформляли свое собственное объединение.

Исследователи впервые встречаются с письмами Авенариуса, с его манерой излагать свои мысли, поэтому следует сразу сказать, что автор писем легко владел пером. Письма написаны хорошим, образным языком. В противоположность замечанию Муравьева, что Авенариус «имеет... предубеждение, что очень умен и что все другие ничего не значат перед ним»²³, автор писем, действительно, воспринимается как человек вдумчивый и умный.

Письма относятся к двум разным периодам: большая их часть — 10 из 14 — написаны до восстания 1825 г. Остальные четыре датируются 1827 г. Перерыв в переписке, приходящийся на 1826 г. — год следствия по делу декабристов, очевидно, был не случаен.

Тематически письма 1823–1825 гг. близки к записям Н. Н. Муравьева этого периода, но они несколько расширяют представления о взаимоотношениях между автором и адресатом и раскрывают некоторые дружеские связи Авенариуса.

У расположенных по соседству 41-го егерского и 7-го карабинерного полков, которыми командовали Авенариус и Муравьев, были общие задачи. Большая часть писем связана с нуждами полков, с вопросом о перемещении штаб-квартиры 41-го егерского полка из Квешы в Белый ключ, строительством дорог, посещением полков А. П. Ермоловым и т. д. В письме от 30 июля 1825 г. Авенариус сообщает о появившемся среди местного чеченского населения пророке, или религиозном вожде, призывающем к истреблению русских. В «Записках» Н. Н. Муравьева почти в тех же выражениях об этом же событии говорится со слов казначея корпуса И. Майвалдова²⁴. Таким образом, эта сторона переписки соответствует и частично дополняет «Записки» Муравьева-Карского.

Интерес представляет другая сторона этих писем, например, частые приглашения Муравьева в гости, за чем, очевидно, следовали встречи служебного и неслужебного характера. Исследователь писем, правда, пока не располагает никакими сведениями о содержании их бесед — ограничивались ли они «полковыми» темами или круг обсуждавшихся вопросов был шире и разнообразнее. Обращает на себя внимание письмо от 18 ноября 1823 г. из Квешы, в котором Авенариус приглашал Муравьева на встречу с В. Ф. Тимковским и адъютантом Первой армии В. С. Сотниковым²⁵. Здесь примечателен как состав встречающих, так и та характеристика, которая дается автором Тимковскому. Как известно из «Записок» Муравьева, они с Тимковским были старыми знакомыми, но был ли тот прежде знаком и с Авенариусом — неизвестно. Весной 1823 г. он прибыл в Тифлис в качестве чиновника по особым поручениям при А. П. Ермолове. Возможно, именно здесь состоялось его знакомство с автором письма. С. Г. Волконский называл В. Ф. Тимковского одним из членов Кавказского общества²⁶. Второй гость Авенариуса якобы был на Кавказе «по любопытству к смертоносной Грузии», однако интересна та предостерегающая и уничтожающая характеристика, которой наделяет его автор: «...адъютант I-й армии Сотников и телом, и душою иезуит и весьма умный пролаз».

Такое сочетание гостей, конечно, не дает нам права строить предположения о какой бы то ни было откровенной политической беседе в кругу единомышленников. Важно отметить только некоторые контакты (в частности, с Тимковским), которые устанавливает в это время Авенариус. В других его письмах фамилии почти отсутствуют. Несколько раз он упоминает только о близких отношениях с «лордом Медоксом» (очевидно, с Василием Медоксом, который также некоторое время был корреспондентом Муравьева) и еще о некоторых сослуживцах.

Письма Авенариуса за 1827 г. тематически связаны только с русско-персидской войной. На обязанности Авенариуса лежало снабжение фронтовых частей провиантом; в отраженный в письмах период его подразделение не участвовало в военных действиях²⁷. Письма посвящены в основном служебным вопросам — снабжению и отправке транспортов и тяжелому положению войска, не участвующего в сражениях. Письма кратки, писались от случая к случаю, между ними почти нет внутренней связи.

Все письма Авенариуса, как было видно, тесно связаны с территорией Кавказа и теми служебными задачами, которые стояли перед ним в тот или иной период. Они, несомненно, дают возможность говорить о нем как о командире, освещая тем самым определенную часть его биографии. Авенариус скончался в 1828 г., его полк принял Н. Н. Муравьев.

Кавказским темам посвящены также письма В. Д. Вольховского и И. П. Шипова (одно из публикуемых, от 1829 г.), которые были после следствия и суда отправлены на Кавказ.

Знакомство братьев Ивана и Сергея Павловичей Шиповых с Н. Н. Муравьевым, вероятно, следует отнести к петербургскому периоду его жизни, т. е. ко времени до середины 1816 г. Известно, что отец братьев Шиповых был в дружеских отношениях с родственником Николая Николаевича — Михаилом Никитичем Муравьевым (отцом декабристов Никиты и Александра Михайловичей). В своих «Воспоминаниях»

С. П. Шипов говорит также о дружбе с другим близким к Муравьеву-Карскому лицом — И. Г. Бурцовым²⁸. Наличие такой связи с друзьями и родственниками Муравьева позволяет думать о раннем знакомстве с ним Шиповых, хотя прямых указаний в известных источниках на это нет²⁹. Но дружеские отношения Муравьева с И. П. Шиповым, вероятно, окончательно сложились на Кавказе во время пребывания там л.-гв. Сводного полка, в сложное и напряженное время репрессий правительства против декабристов, в период персидской войны. О том, что именно в это время И. П. Шипов вошел в тесный дружеский круг Н. Н. Муравьева, И. Г. Бурцова, Н. Н. Раевского (младшего) и Д. Е. Остен-Сакена, свидетельствует письмо И. П. Шипова к Н. Н. Раевскому³⁰. С С. П. Шиповым, судя по сухому, даже официальному тону писем, Муравьев был знаком меньше.

Письма И. П. Шипова относятся к 1829–1835 гг.: они написаны из Опочки Псковской губернии, из Петербурга, из лагеря под с. Красным и из Углича. Писем С. П. Шипова от 1831 г. всего два: из лагеря близ Нешавы и из Петербурга. По содержанию письма братьев Шиповых эпизодичны. Они посвящены в основном частным просьбам, поздравлениям, иногда заключают краткую информацию о служебных и петербургских новостях.

К Кавказу относится лишь первое из сохранившихся писем — от 22 декабря 1829 г. Оно написано вскоре после окончания русско-турецкой войны, в которой, как известно, Сводный полк не участвовал. Поздравляя Муравьева с победой, И. П. Шипов только в этом письме выражает свое отношение к Грузии и отмечает, что у офицерской молодежи теперь уменьшилось «предубеждение к сему краю». Письмо содержит просьбу о покровительстве его родственнику А. А. фон Шульцу, приехавшему в Тифлис в качестве начальника училища. В письмах 1831 и 1832 гг. основной мотив — просьба взять к себе в качестве адъютанта младшего брата, Дмитрия Павловича Шипова³¹.

В других письмах имеются краткие сведения биографического характера, некоторые данные об изменениях в управлении Военного министерства и Комиссариатского департамента, где служил в это время С. П. Шипов, о смотре войск и маневрах под с. Красным (1832 г.), о возвращении в Петербург русского посланника Поццо ди Борго и др. Следует также сказать, что в письмах братьев Шиповых выражено сочувственное отношение к деятельности Муравьева в разные годы (1829–1832). Все сообщения в письмах вплетены, естественно, в густую сеть бытовых тем.

Очень близки по своему характеру к письмам Шиповых письма В. Д. Вольховского этой поры: так же эпизодичны и связаны с конкретными просьбами и адресата, и самого корреспондента. Датируются они двумя годами — 1833 г. и 1836 г., относятся к тому времени, когда Вольховский вторично (в 1832 г.) вернулся на Кавказ и был там начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса при главнокомандующем Г. В. Розене (до 1837 г.). Его адресат — Муравьев в 1833 г. был начальником вспомогательного сухопутного отряда, «посланного к турецкому султану в Царьград» (как было сказано в его послужном списке). Письма 1833 г. посвящены частным просьбам Муравьева — о помощи унтер-офицеру Тифлисского полка Панкратьеву в получении офицерского чина, о денщике А. Васильеве, о наследственных и имущественных делах родственников жены Муравьева Ахвердовых.

Основное внимание Вольховского было сосредоточено на результатах экспедиции Муравьева в Турцию и Египет. «Турция не может не занимать всех русских, — писал он, — особенно нужна для нас — соседей турков, у которых, впрочем, по близости нашей все спокойно, но прошедшей осенью были волнения в Тропезонде и остались за турками части Ахалцихского пашалыка. За будущее трудно ручаться» (письмо от 27 апреля 1833 г.). Несмотря на отрывочность и случайность писем, главное, пожалуй, что их объединяет — это отношение Вольховского к Кавказу, его пристальное внимание к положению там, к состоянию кавказских полков и к людям.

Автор основной части (212) помещенных в томе писем — Александр Николаевич Муравьев. Документы охватывают период с момента приезда в Вятку в марте 1834 г. до его смерти в 1863 г.

А. Н. Муравьев был одним из выдающихся деятелей раннего этапа декабризма, основателем Союза спасения, видным деятелем Союза благоденствия в период его основания. Влияние А. Н. Муравьева привлекло в тайные общества многих представителей дворянской молодежи, которые прошли затем через все стадии развития декабристских организаций и участвовали в восстаниях 1825 г. в Петербурге и на Украине. Ранний отход от движения самого А. Н. Муравьева не только вызывал осуждение его поступка товарищами по тайному обществу, но и «вычленил» его при исследовании всего движения историками разных поколений.

Взглядами и деятельностью А. Н. Муравьева, особенно последекабристского периода, занимались сравнительно мало³². Внимание историков было сосредоточено на изучении в основном двух периодов деятельности этого декабриста — этапа основания им первых тайных организаций (1816–1818 гг.) и времени, когда он, будучи нижегородским военным губернатором, активно участвовал в борьбе, развернувшейся вокруг крестьянской реформы в период революционной ситуации 1859–1861 гг. Вся же остальная жизнь А. Н. Муравьева в литературе о декабристах почти не изучалась; были прослежены только отдельные моменты его служебной деятельности, которые получали не всегда верную, в значительной мере тенденциозную оценку.

Наиболее последовательный биограф А. Н. Муравьева в последние десятилетия Ю. И. Герасимова считала, что подобная оценка в какой-то мере объясняется тем, что до сих пор не были использованы в полном объеме имеющиеся архивные материалы декабриста. «К сожалению, — указывает она, — материалов Муравьева сохранилось не очень много». Выявленные Ю. И. Герасимовой (в основном, в фондах ОР ГБЛ) имеющиеся материалы для дальнейшего исследования жизни и деятельности этого декабриста дают возможность сделать вывод, что хранящиеся в ОПИ ГИМ, опубликованные в первом томе и ныне подготовленные к печати письма Муравьева в содержательном отношении представляют собой очень важную часть существующих архивных источников.

Письма Александра Николаевича, публикуемые в двухтомном издании «Из эпистолярного наследия декабристов», адресованы Н. Н. Муравьеву, брату и единомышленнику в молодые годы. Близость между братьями сохранилась на всю жизнь. В годы ссылки Александра Николаевича Николай Муравьев был добровольным ходатаем по его делам перед правительством и официальными лицами. Используя

свое служебное положение, он всячески старался улучшить положение брата и его семьи. Александр Николаевич в своих письмах к брату был предельно откровенен и старался ввести его во все стороны своей жизни, служебные коллизии, душевный мир.

В марте 1828 г. А. Н. Муравьеву было разрешено поступить на гражданскую службу в Сибири. Началась его долгая административная деятельность, прерываемая лишь на короткое время отставками. Эта деятельность принесла ему известность, как строгому, требовательному начальнику, преследовавшему чиновников за взяточничество, самоуправство, беззаконие. Везде, куда бы ни переводили А. Н. Муравьева, у него обязательно начинались столкновения с местной администрацией, неблаговидные дела которой разоблачал декабрист. Это почти всегда приводило к крушению его административной карьеры, но не останавливало его.

Исследователи данного периода биографии А. Н. Муравьева не могли не подчеркнуть его особое отношения к службе, даже в тех случаях, когда хотели видеть в бывшем декабристе, говоря словами С. Я. Штрайха, «кающегося» человека, «служившего» правительству. В этот ранний период сосланный декабрист, вступая в исполнение должности иркутского городничего, определил в письме к родственникам свое отношение к службе вообще: «Наконец, я получил от генерал-губернатора свое определение на службу городничего города Иркутска... Молю Бога, да поможет и в сей должности показать свою ревность к службе: беспристрастием, деятельностью и толковостью, которые суть три главные пункта, составляющих основу должности городничего. Ты говоришь в письме своем, что желаешь, чтобы место, которое будет мне дано, обеспечивало хоть немного мое существование. Ты, верно, разумеешь под сим обеспечением жалованье, которое я получать буду. Ибо все прочее есть беззаконие, корыстолюбие, лихоимство, воровство, грабеж. Мы, кажется, любезный друг, всегда так разумели, так всегда и будет, и хотя бы мне пришлось для существования продать последнее свое платье, но я... устою в своих правилах... и верно не только не подам на себя подозрения, но еще... и других от того удержу. Сие, конечно, не без труда исполняться будет, но сие есть долг мой. Жалованье же мое весьма невелико» (из письма к брату жены В. М. Шаховскому, 21 апреля 1828 г.).

Кредо А. Н. Муравьева — беспристрастие (т. е. справедливость), борьба с беззаконием, лихоимством, взяточничеством — было кредо декабриста. Как видно из всех известных материалов, и особенно писем, — это кредо всей его жизни.

Большая группа писем З. Г. Чернышева занимает особое место в поздней переписке Н. Н. Муравьева-Карского. На количестве (51) и содержании писем сказывались дружеская близость с их автором, закрепленная на Кавказе в 1829–1830 гг., и близкие родственные отношения, возникшие после женитьбы Муравьева на сестре Чернышева — Наталье Григорьевне. Время написания: май 1839 г. — июль 1861 г. — соответствует нескольким периодам жизни Чернышева: безвыездному пребыванию после выхода в отставку с военной службы в имении Ярополец по распоряжению правительства, затем вступлению в должность в Орловское дворянское депутатское собрание, службе в Москве и, наконец, — подготовке к отъезду за границу. Основное внимание автора писем было уделено хозяйственным заботам по

управлению имением Тагино в Орловской губернии и ведшимся там строительным работам. Письма первых лет из Яропольца касаются ходатайства И. Г. Кругликова в Петербурге о расширении гражданских прав декабриста. Здесь отразились замкнутость характера Чернышева (особенно в это время), история его занятий латынью и греческим языком. В 1841 г. появляются сообщения о новом назначении в Орле, а позднее — из Орла и Тагина — он сообщает новости о службе, но больше всего пишет об урожаях, встречах с родными, строительстве большого помещичьего дома (в 1845 г.). Московский период жизни Чернышева почти не получил отражения в письмах — только в конце 1851 г. упоминается его просьба о переводе на гражданскую службу из Москвы в Петербург. Больше эта тема в его письмах не появлялась. Последнее письмо было написано им 12 июля 1861 г. из Тагина, за месяц до отъезда за границу, где в Риме, менее чем через год, он скончался.

Поздняя переписка З. Г. Чернышева, несомненно, является важным источником для изучения послекавказского периода жизни этого декабриста. Письма детализируют и уточняют уже имеющиеся в специальной литературе сведения о двух последних десятилетиях его жизни, хотя прибавляют мало нового к тому облику стареющего декабриста, каким он был обрисован в работе академика Н. М. Дружинина³³.

Таким образом, материалы писем второго тома в основном посвящены двум темам — пребыванию декабристов на Кавказе в период до восстания 1825 г. и дальнейшим судьбам участников движения.

В качестве приложения ко второму тому в него включено письмо Николая Павловича Воейкова, штабс-капитана л.-гв. Московского полка, адъютанта А. П. Ермолова, написанное 11 апреля 1826 г. в Петербурге, сразу после освобождения из-под следствия по делу декабристов.

Воейков был арестован 8 января 1826 г.³⁴ «по подозрению в мятеже 14 декабря и в принадлежности к Кавказскому тайному обществу, о существовании коего сделано было показание князем Волконским со слов Якубовича, с которым он виделся на Кавказских минеральных водах»³⁵.

Публикуемое письмо было отправлено с оказией и, очевидно, вполне защищено от нежелательных глаз. Первая часть этого письма посвящена обычным для переписки Воейкова отчетам о выполнении поручений Н. Н. Муравьева, и лишь вслед за этим автор довольно подробно сообщал о своем аресте в Петербурге, о предъявленных ему обвинениях. Непосредственную причину своего ареста он приписывал слухам о Кавказском корпусе и задержке в нем присяги, носившимся по городу, но главным образом знакомству с А. И. Якубовичем и своему появлению в смутное время в Петербурге. В письме он повторял те известные в литературе показания, которые давал во время следствия Николаю I и генералам В. В. Левашеву и А. Х. Бенкендорфу: отрицал существование тайного общества в Кавказском корпусе и свою принадлежность к тайным обществам вообще³⁶. Эта и последующая часть письма о А. И. Якубовиче написана в тоне раздражения против него, но тем не менее представляет большой интерес и является единственным в переписке Н. Н. Муравьева (и исходящим от очевидца и соучастника) свидетельством о поведении Якубовича в день восстания 14 декабря 1825 г.

Воейков сообщал, что утром 14 декабря Якубович приехал к нему и повез его в карете на Дворцовую площадь «смотреть, как войска будут присягать». Не найдя там войск, Воейков вернулся домой. Дальнейший рассказ автор ведет со слов своего слуги: через полчаса после поездки Якубович «с бунтующими ротами Московского полка с обнаженной саблей бежит на площадь». О переговорах Якубовича с Николаем I и возвращении в каре для поддержки восставших рассказано, очевидно, тоже с чужих слов.

Среди многочисленных свидетельств о Якубовиче, которыми располагают исследователи, письмо Воейкова является, может быть, наименее полным и точным, тем более что написано оно с большой долей раздражения и с желанием представить себя некоей жертвой злой воли Якубовича, но в нем сообщен один из поступков в цепи действий декабриста 14 декабря 1825 г. — поездка на Дворцовую площадь, т. е. к Зимнему дворцу (!), которая, очевидно, должна войти в его биографию и в описания самого этого дня.

Пользуясь реконструкцией действительного хода восстания, сделанной М. В. Нечкиной в монографии «Движение декабристов», можно предположить, что, изменив заранее разработанному плану, отказавшись вывести Гвардейский морской экипаж на Дворцовую площадь для занятия Зимнего дворца, Якубович с шести часов утра метался (как говорит в своей работе М. В. Нечкина, «совесть мучила его») и, очевидно, искал возможности присоединиться к восстанию. Таким образом, утреннюю поездку, состоявшуюся, вероятно, между половиной десятого и десятью, можно отнести к одному из путей этого поиска. Что же касается автора письма, то совершенно очевидно, что на площадь он поехал добровольно.

В заключение следует сказать следующее. Роль и активность декабристов, письма которых помещены во втором томе, в декабристском движении была разной, в основном второстепенной. За исключением А. И. Якубовича, М. И. Муравьева-Апостола и А. Н. Муравьева (на первом этапе), все они были рядовыми участниками движения. Однако в декабристоведческой литературе недостаточно прослежены дальнейшие пути именно рядовых, второстепенных декабристов. Чаще всего этот недостаток упирается в бедность источников. Исследовательский интерес к деятельности А. А. Авенариуса и С. П. Шипова увеличивается в связи с тем, что оба они были близки к П. И. Пестелю, именно он ввел их в разное время в тайные общества. Известны также связи И. П. Шипова с Н. М. Муравьевым.

Письма, включенные во второй том, за единичными исключениями, впервые вводятся в научный оборот. Исключение составляют два письма П. А. Муханова (№ 29 и 30, 1825 г.), опубликованные в составе эпистолярного наследия этого декабриста со значительными погрешностями в воспроизведении текста³⁷. Два письма А. Н. Муравьева (№ 277, 293; 1857, 1861 г.) изданы в посвященном ему томе документальной серии «Полярная Звезда»³⁸.

Все публикуемые письма являются ценными автобиографическими источниками участников движения декабристов. Письма, относящиеся к периоду после восстания 1825 г., к периоду реакции, определяют позиции их авторов и раскрывают их дальнейшие судьбы.

Письма А. А. Авенариуса к Н. Н. Муравьеву являются в настоящее время первыми известными автографами этого декабриста. Они представляют значительный интерес для историков, так как жизнь и деятельность этого деятеля раннего тайного общества малоизвестна.

Письма А. А. Авенариуса и А. И. Якубовича являются первыми известными декабристоведам эпистолярными документами этих участников движения об их пребывании на Кавказе.

Эпистолярное наследие З. Г. Чернышева вообще ранее не было известно в исследовательской литературе.

Публикация второго тома позволяет приступить к изучению эпистолярных материалов всего фонда Н. Н. Муравьева-Карского в целом. Помещенные в обоих томах письма являются материалом для исследования декабризма как общественно-историко-культурного и социально-психологического явления, определившего собой не только свою переломную для России эпоху. Публикация представляет интерес и как материал для изучения идей декабристов после восстания, в сибирский и послесибирский (кавказский и послекавказский) периоды.

Особенностью эпистолярного материала как источника по декабризму является следующее: расширяется источниковая база для изучения личности декабриста и его мировоззрения, поскольку в нее входит большое число фондов личного происхождения адресатов, которым были направлены письма, сохранившиеся лучше, чем личные архивы декабристов. Это особенно важно потому, что архивы некоторых из указанных декабристов не существуют вообще. Письма являются бесспорными свидетельствами личных связей авторов, т. е. данными о круге лиц, с которыми они общались. Это расширяет представление о контактах декабристов с разных точек зрения. Письма дают возможность изучить в разных аспектах взгляды декабристов, отношения морально-этического и психологического склада, смену восприятий, что важно при определении взглядов. Изучение писем дает право рассматривать их по происхождению и характеру как автобиографический источник наряду с записками и дневниками, а также как творческий материал, так как в них авторы формулировали свое отношение к действительности.

И. С. Калантырская

1. *Герасимова Ю. И.* Материалы А. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей [Гос. библиотеки им. Ленина]. М., 1975. Вып. 36.; *Достян И. С.* О рукописи в красном переплете и ее авторе // Вопросы истории. 1975. № 12; *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982; *Тальская О. С.* Ссылные декабристы на государственной службе в Сибири // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – нач. XX вв.). Новосибирск, 1978. С. 243–244; *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Иркутск. 1979. Т. 1. С. 31; *Макаров В. Б.* Декабрист И. Г. Бурцов. Саратов, 1981; *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981; и др.

2. Цитация из этих писем была сделана в работах Н. А. Задонского (см. об этом вступительную статью И. С. Калантырской к тому I издания «Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому») и в статье: *Калантырская И. С.* Письма декабриста А. И. Якубовича Н. Н. Муравьеву-Карскому // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 53–56. См. также примечание 37.
3. *Дружинин Н. М.* Семейство Чернышевых и декабристское движение // Ярополец. М., 1930. С. 17–47.
4. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 10. М., 1958. С. 191.
5. Библиографические записки. 1858. Т. II. № 18. Стлб. 552.
6. И. С. Калантырская не смогла из-за болезни ознакомиться с одной из основных работ об А. И. Якубовиче — статьей А. И. Клибанова. (*Клибанов А. И.* А. И. Якубович: действительность и легенда // Исторические записки. М., 1981. Т. 106. С. 205–270). — *Примеч. ред.*
7. *Азадовский М. К.* О литературной деятельности А. И. Якубовича // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 272.
8. Восстание декабристов. М.; Л., 1926. Т. 2.
9. *Азадовский М. К.* О литературной деятельности А. И. Якубовича. С. 271–282.
10. Причины перевода корнета Якубовича на Кавказ общеизвестны. Эта тема многократно освещалась в ряде работ об А. С. Грибоедове и А. И. Якубовиче.
11. РА. 1886. № 11. С. 297, 311.
12. *Калантырская И. С.* Письма А. И. Якубовича Н. Н. Муравьеву // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 53–56.
13. *Азадовский М. К.* О литературной деятельности А. И. Якубовича. С. 275.
14. М. К. Азадовский впервые опубликовал полный текст этого письма, соединив его отдельные части, известные в черновом виде. См.: *Азадовский М. К.* О литературной деятельности А. И. Якубовича. С. 278–279.
15. Об истории дуэли см.: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 52, 53, 60, 211; *Попова О. И.* Грибоедов — дипломат. М., 1964. С. 12.
16. РА. 1886. № 11. С. 332.
17. Это тем более важно уточнить, что сведения о том, что «Якубович во время службы на Кавказе сделался “любимцем Ермолова”, который держал его при себе, называл “моя собственность”, “моя личная безопасность”», — очевидно, относятся к 1822–1823 гг., т. е. ко времени, когда, по словам самого Якубовича, существовало Кавказское тайное общество, к которому Ермолов был близок (См.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 119).
18. РА. 1888. № 1. С. 79. Других встреч между ними, по всей видимости, больше не было. В следственном деле Якубовича есть запись, что в 1821 г. он был командирован на Кавказскую линию и «...кроме [как] по службе, со штабом и адъютантами генерала Ермолова... ни с кем не имел переписки». (ВД. М., 1926. Т. 2. С. 289).
19. РА. 1888. № 1. С. 79.
20. На следствии П. И. Пестель дал подробные показания о Митавской «отрасли» Союза Спасения и перечислил ее членов. См.: *Нечкина М. В.* Союз спасения // ИЗ. М., 1947. Т. 23. С. 164, 178; *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. С. 162, 170–171; ГАРФ. Ф. 48-И. Д. 6. Л. 1–1об. Митавский филиал датируется 1817 г. и первыми четырьмя месяцами 1818 г. Возможно, Пестель принял Авена-

риуса до октября 1817 г., так как 6 октября 1817 г. тот получил чин подполковника, а Пестель запомнил его еще майором.

21. РА. 1888. № 7. С. 343; № 9. С. 11, 22, 31, 35, 27, 45; № 10. С. 197, 199, 200, 203.
22. № 9. С. 11, 37.
23. № 9. С. 37.
24. № 11. С. 390–391.
25. Речь идет о Василии Семеновиче Сотникове, капитане гвардии, хорошо известном в декабристоведческой литературе как тайный агент Главного штаба Первой армии. См. о нем: ВД. Т. 1, 4, 6, по указ.; *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 187, 191–194, 491–492; *Багаліівна-Татарінова О.* Таємная агентура на Україні сто років тому (за рапортами і записками В. С. Сотнікова) // Декабристи на Україні. Київ, 1930. Т. 2. С. 1–34.
26. РА. 1888. № 9. С. 25; ВД. М., 1953. Т. 10. С. 123.
27. В литературе имеются сведения о том, что А. А. Авенариус не только участвовал со своим полком в русско-персидской войне, но и отличился в сражении под Гянджой (Елизаветполем) 13 сентября 1826 г., а также действовал во многих боях в Азербайджане и Армении в 1827 г. См.: *Нерсисян М. Г.* Декабристы в Армении. Ереван, 1975. С. 46.
28. *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 146; *Шипов С. П.* Воспоминания // РА. 1878. № 6. С. 164; *Азарова Н.* Строка о Пестеле // Прометей. М., 1985. Вып. 12. С. 30–31. Очевидно, С. П. Шипов познакомился с И. Г. Бурцовым до совместного посещения ими лекций ряда петербургских профессоров в 1817–1818 гг.
29. Из писем И. П. Шипова ясно, что он был знаком с М. Н. Муравьевым до 1829 г.
30. Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 472 (письмо от 9 июля 1829 г. из лагеря при м. Тульчине).
31. Д. П. Шипов короткое время был адъютантом Н. Н. Муравьева, но в 1832 г., по просьбе братьев, переехал в Петербург.
32. За рамками настоящего вступления остались посвященная А. Н. Муравьеву работа О. С. Тальской (*Тальская О. С.* Декабрист Александр Николаевич Муравьев // *Муравьев А. Н.* Сочинения и письма. Иркутск. 1986. С. 3–64) и опубликованная уже после кончины И. С. Калантырской диссертация Е. Н. Туманик (*Туманик Е. Н.* Мировоззрение и деятельность декабриста Александра Николаевича Муравьева в 1810-х – начале 1830-х годов. Дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 2002). — *Примеч. ред.*
33. *Дружинин Н. М.* Семейство Чернышевых и декабристское движение // Ярополец. М., 1930. С. 17–47.
34. Дата 8 января 1826 г. была названа самим Н. П. Воейковым. В указателе к «Алфавиту декабристов» (ВД. М.; Л., 1925. Т. 8.) приводится другая дата — 9 января 1826 г.
35. ВД. М.; Л., 1925. Т. 8. С. 56.
36. Мы не можем согласиться с выдвинутой писателем Н. А. Задонским версией, что это письмо было написано Воейковым как предупреждение Кавказскому корпусу о выдвинутом против него обвинении. Это утверждение не получило у автора должного доказательства, тем более что Задонский выборочно цитирует только первую часть — об аресте и следствии — и ничего не говорит о тоне письма и авторском отношении к Якубовичу. Погрешности и неточности прочтения текста делают привидимую цитату более всеобъемлющей, распространяемой на всех участников дви-

жения, хотя в подлиннике речь идет только об одном Воейкове. Так, у Н. А. Задонского приводится: «В числе их злодеи, которые хотели замарать **имена** гнусной клеветой». В подлиннике читаем: «Нашлись в числе их злодеи, которые хотели замарать **и меня** гнусной клеветою» (*Задонский Н.* Тайны времен минувших. Воронеж, 1964. С. 42–43; этот же текст повторен в кн.: *Задонский Н.* Горы и звезды. М., 1965. С. 181–182; и в дальнейших переизданиях этих книг).

37. *Муханов П. А.* Сочинения, письма. Иркутск, 1991. (Серия «Полярная Звезда»). С. 202–203.
38. *Муравьев А. Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986. (Серия «Полярная Звезда»). С. 343–346, 347.

1. А. А. Оленин¹

15 февраля 1816 г.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Так как в русском царстве нельзя иногда обойтись без знания артиллерии и получив от Вас обещание попользовать меня в сей науке, то прошу Вас, сделайте милость, назначить мне вечер, в которой Вам можно будет меня просветить. В уповании на Вашу ко мне благосклонность остаюсь Вам покорнейший слуга

Алексей Оленин.

15 февраля 1816 г.

(Ф. 254. Ед.хр. 328. Л. 16).

2. А. И. Якубович²

[июль – начало августа 1818 г.]³

Милостивый государь Николай Николаевич!

Ваше препоручение я выполняю в точности, и по возможности собрав сведения, написал некоторые из статей, находящиеся в вашей программе⁴, которая хотя и не будет совершена в слог, но усердие мое и старание Вам сделать угодное, надеюсь, будет принято знаком моего желанья выиграть Вашу ко мне приязнь, в надежде которой остаюсь Вашим покорным слугою.

Александр Якубович.

Р.С. Николаю Павловичу, или Степану Лазаровичу господину Возилкину⁵, свидетельствую мое почтение и надеюсь, подкрепив себя кохетинским вином, сладить теперь с ним.

А. Я.

(Ф. 254. Ед. хр. 332. Л. 67–68 об.).

3. А. И. Якубович

1818 года, августа 25. Сигнах⁶.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Я разделил Вашу програм[м]у и начал описывать Кизих⁷, где с помощи[ю] почтенного коменданта могу подробно узнать необходимое, для вернейшего определения ответов на задан[н]ие мне вопросы; насчет же Кахетии, или Телавского уступ[а], если я пробуду сентябрь при полку, то познакомившись с Телавским комендантом, и с ступы Кисляр надеюсь подробно описать, смотря по моим способностям.

На днях я несколько из моих замечаний перешлю к Вам на поправку.

С истинным почтением остаюсь Вашим покорным слугою.

Александр Якубович.

NB. Любезному Степан Лазаровичу свидетельствую[ю] мое почтение и жалею, что рас[с]троенное его здоровье от беспрестанной тамашы с Берхом не по[п]равляется. Я теперь поз[д]оровел и надеюсь повозиться⁸.

(Ф. 254. Ед.хр. 333. Л. 44–45).

4. А. И. Якубович

1818 года, ноября 9 дня. Карагачи⁹.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Благодарен, много благодарен за все Вами мне сделанное, дай Бог, чтобы я имел случай показать, сколь много чувствую себя Вам обязанным. Я теперь надолго Ваш должник — и за удовольствие считаю признавать себя обязанным Вам.

Поездка моя в полк была самая удачная, я выиграл доверен[н]ость полковника¹⁰ и следовательно время долее прожить с Вами: он било отчаялся видеть меня возвратившимся в полк на службу, предполагая, что удовольствия и лень отняли у меня охоту делить с прочими скуку *Карагачей*¹¹ (хоть он и не ошибся).

Я с нетерпением жду приезда Алексея Петровича¹², чтобы скорее нагрнуть к Вам, вместе веселитца. Пожалуйста, напишите о здоровье Грибоедова — и толках тифлисских¹³. Я с нетерпением ожидаю Ваших писем. С истинным почтением остаюсь Вашим покорным слугою.

Александр Якубович.

NB. Почтен[н]ому нашему Старше Матвею Ивановичу Унгерну¹⁴ свидетельствую мое почтение, и всем меня помнящим, даже и ханже Тализину¹⁵. Посилаю мой долг 18 червончов, покорно благодарю за кредит, и 160 р. ассигнациями, которые, сделайте милость, возьмите труд отослать к Нечистой силе.

А. Я.

Я стою с Саликовым¹⁶, он Вам приказал поклонитца.

(Ф. 254. Ед.хр. 333. Л. 90–91).

5. А. И. Якубович

[Вторая половина ноября 1818 г.]¹⁷

Милостивый государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше я севодни получил, и при случившейся оказии приятнейшее удовольствие имею Вам отвечать, — и просить принять хотя малейшее участие в моем огорчении насчет запрещения ездить в Тыфлис¹⁸, — последнее удовольствие в Грузии, оставшееся мне, било приятное Ваше сообщество — и почтенного Матвея Ивановича. Но угодно Мудрейшим лишить меня последнего, я привик к подобным неудовольствиям; и пренебрегаю, как мои несчастья, так и виновников оного; приезд Алексея Петровича возвратит мне потерянной рай — и я опять нагрну к Вам в надежде найтить Вас по-прежнему ко мне расположенну — я рад, что Грибоедов остался Грибоедовым, и Вы ево узнали; излечившаяся ево рана меня успокоила. Пусть только он скорее едет в Персию; а то колкость и острота, которая не у места в Вашем кругу, не всегда может нравиться, и дурные последствия бивают наградой дурных привычек остр[ить] насчет другим. Я, слава Богу, здоров, охочусь, хожу в развод и на учение, бранюсь с судьбою и жду приезда А[лексея] Петровича. Чтобы вийтить в отставку, если можно. Прощайте, почтенной Николай Николаевич.

Остаюсь Вам много обязанным истинно Вас любящим и — больше, нежели уважающим

Александром Якубовичем.

НВ. Почтенному Унгерну желаю всех благ, и даже чтобы его Мармонт застрелился, как Ваш Иванов¹⁹, если причина ево смерти не есть тайна, то удовлетворите мое любопытство. Нечистая сила пусть не прогневаётся. Весь капитал состоял в посланном, но если разживусь, то пришлю ему и вперёд сколько-нибудь.

На обороте адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву. В Тыфлисе — г. капитану Гвардейского Генерального штаба и кавалеру.

(Ф. 254. Ед.хр. 333. Л. 96–97 об.).

6. А. И. Якубович

1818 года, декабря 9 — Карагачи

Милостивый государь Николай Николаевич!

Вы мне не на словах, а на опыте доказали Ваше расположение, и я как не мастер изъяснять мои чувства, в молчании буду ждать случая, где бы мог Вам показать, что я умею ценить Ваше расположение. Дней десять тому назад я чуть не лишился руки, один из моих лезгинских курдишей приехал в лагерь; я, желая опробовать доброту его пистолета, выстрелил, и пистолет разорвало в куски; вивихнул у меня большой палец, и сделало две рану, к счастью, бездельни. Теперь все зажило, только этот случай сделал меня осторожным.

Скука смертельная, одно воспоминание и амуниция еще кое-как меня утешают, дай Бог, чтобы приезд Алексея Петровича сократил время моего изгнания; — впрочем от Адама и до Александра Якубовича, за запрещен[н]ое вигоняли, и я не в претензии, что тем кончилось. Жалею сердечно, что у Жамера²⁰ не собирается по-прежнему, все верно пустились в шалости. Но я, как человек, не занятой ничем, стану по приезде промышлять тем же, чем и прежде, то есть тамашится с утра до вечера, во ожидании чево остаюсь Вас почитающим и любящим навсегда.

Александр Якубович.

(Ф. 254. Ед.хр. 333. Л. 102–102 об.).

7. А. И. Якубович

20 февраля 1819 г. Карагачи.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Простите, что по отъезде моем из Тыфлиса я не писал к Вам и не благодарил за Ваше гостеприимство, если би знал, что предписание ехать в полк било дело минутного каприза, то бы не так скоро лишился б удовольствия, беседуя с Вами, научат[ь]ся, и приятно время проводить, о котором очень, очень часто вспоминаю в скучных наших Карагачах²¹. Я не мог с полковником²² приехать, чтобы не наскучить Великим Господам и не лишиться себя права к Святой приехать в Тыфлис: Саликов мне говорил, что был у Вас, хвалился Вашим приемом и надеялся, что по обещанию Вашему мы, жители Карагачей, будем иметь удовольствие видеть почтенного Николая Николаевича у нас, это одолжение будет бесценное; и я на период ручаюсь за неделю разнообразных удовольствий, которые Вам понравятся.

Напишите, как скоро Вы надеетесь отправит[ь]ся в Трухмению²³. Я непременно хочу Вас прежде отъезду видеть и проводить. Прощайте, почтенной Николай Николаевич. Остаюсь Вас любящий и уважающий

Александр Якубович.

1819 года февраля 20 дня.

Карагач.

НВ. Астафию Ивановичу и Реникамфу²⁴, сделай[те] одолжение, от меня поклонитесь.

(Ф. 254. Ед.хр. 334. Л. 34–34 об.).

8. А. И. Якубович

6 марта 1819 г. Карагачи.

Милостивой государь Николай Николаевич!

Для меня очень было приятно получить 1 Nov[er] нинишнего года от 23 февраля. Я не имел случая на прошедшей почте отвечать, за что, надеюсь, Вы не строго взыщите, — и предложение Ваше писать по номерам я с удовольствием принимаю, надеясь, что Вы позволите мне отвечать точно таким порядком, как я получил приятное Ваше письмо.

— 1) Смерть обоих, к сожалению, мне давно была известна, — оба были хорошие малые, и слишком скоро простились с[о] светом. — 2) Новость о движении планеты Меркурия и последст[вие] сей важной перемены важно забавна, я хохотал как безумной ровно целой день. — 3) Всего прискорбнее было мне читать, что любезной наш Матвей Иванович проигрался. Вы, Николай Николаевич, как кажется, имеете на него больше всех прав, и, следовательно, предложение бросить ремесло, которое не для него видуманно и не для которого он сам рожден, будет с Вашей стороны самое доброе дело. — 4) Если Вы захотите одолжить не могу сказать сколько Вас любящего А. И. Я., то желание захватить в Карагачи может очень легко выполнить. — 5) Насчет трудной переправы любезных денежек через Гут и Крестовую гор[у] — я с Вами терплю равную участь. — 6) Постараюсь быть достойным расположения Петра Николаевича²⁵ ко мне. — 7) Спасибо Климов[скому] скажу по приезде его в полк, что не бранит меня — я, право, старался всегда о его пользе. — 7) Вигода от чистоты оружия может быть очень ощутительна издержками на освещение дому. — 8) Скажу, что я еду завтра на Алазань охотит[ь]ся, не знаю, что удастся убить: о [у]спехах охоты буду рапортовать. — 9) Покорно благодарю за нежности. Я принимаю не за шутку, а за истинну слово (целую хорошенькие маленькие Ваши глазки) и теперя с утра и до вечера з[а] туалетом, к чему много способствует проклятая шкатулка. — 10) Прощайте, почтенной Николай Николаевич, остаюсь Вас любящим и уважающим

Александром Якубовичем.

1819 года марта 6 день. Карагач[и].

НВ. Астафию Ивановичу свидетельствую мое почтение и кланяюсь Матвею Ивановичу.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву в Тыфлисе.

(Ф. 254. Ед.хр. 334. Л. 48–48 об.).

9. А. И. Якубович

11 марта 1819 г. Карагачи.

Милостивой государь Николай Николаевич!

Почтенной Михайло Осипович²⁶ сделал одолжение нам, бил в Карагачах; он теперь, возвращаясь в Тыфлис, принял на себя труд доставить письмо к Вам. Первое, я должен репортовать о успехе охоты. 1) Мы, то есть я с Саликовым и человек 20 стрелков, 8[-го] сего месяца били на охоте. Фазанов штук с десятков и две драфи первое утро били убиты; после обеда я с шестью стрелками переправился через Алазань ловить рыбу в озерах; переправившись через реку, в четверть версти подняли стадо кабанов, и на меня набежал кабан величини почти необикновенной. Я палил в него и еще один охотник, но что-то плохо; мы его ранили, но он ушел, и тем кончилась наша диверсия за Алазанью; в вечеру, как водитца обикновенно, кой-кто клюнул и началась тамаша. Возвратившись домой, мы застали Михайла Осиповича у нас, и он дни два пробил в лагере. 2) До нас слух дошел о 400 червонцах, проигранных нашим полковником, если это правда, то очень жаль. 3) Уведом[ь] те, сделай[те] одолжение, как скоро А[лексей] П[етрович] предполагает ехать на линию.

Остаюсь Вам преданным и любящим
Александром Якубовичем.

1819 года — марта 11 дня.

Карагачи.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву в Тыфлисе.

(Ф. 254. Ед.хр. 334. Л. 56–56 об., 59 об.).

10. А. И. Якубович

[Начало мая 1819 г. Карагачи.]

В 11 часов ночи.

Милостивой государь, почтенной Николай Николаевич!

Извините, что о сю пору не отвечал на последнее Ваше письмо. Апрель я провел в деревне, где принимал провиант, а начало мая в пьянстве! Сентимент проклятой по приезде из Тыфлиса соблазнил меня, и мы все, то есть до единого, вот уш третьей день пьяны без пощады, извините, что не могу больше писать. Голова тяжела, и болезнь, которая имеет следующие припадки (то есть кружение головы, несвободное владение языка, нетвердо[сть] на ногах и тошнота), меня мучит три дни сряду, желаю Вам, почтен[ный] Николай Николаевич, занемочь тоже в кругу Вас любящих, когда наден[ете] большие еполеты. Я разрешил и клюкну по приезде важно в честь аглицких людей. С истинным почтением остаюсь по гроб Вас любящий

Александр Якубович.

P.S. Извините, что почерк и смысл немножко не внятен: от вышеписанной болезни чувствую дрожание в руке.

В 10 часов утра только что с постели с больной головой я встал. Не могу переписать моего марания. Человек Чевчавадзева²⁷ сейчас едет в Тыфлис, он Вам остальное перескажет.

А. Я.

На обороте адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву в Тыфлис.

(Ф. 254. Ед.хр. 334. Л. 136–137).

11. А. И. Якубович

13 мая [1819 г.]

Милостивой государь Николай Николаевич!

Чтоб загладить мою вину за медленной ответ на последнее Ваше письмо, я теперь при отъезде Казасия²⁸ в Тыфлис пишу к Вам, прося тысячу раз извинить меня в моей беспечности, причины довольно важные, о которых я писал к Вам, били виной сего упущения.

На днях я получил письмо от Матвея Ивановича. И не успел еще отвечать, если Вы будете писать к нему, то, пожалуста, напишите от меня все, что только можно сказать в доказательство моей к нему приязни. Я довольно скучаю, ибо живу без вариаций, а единообразию кому нравится. Назначить же время моего приезда в Тыфлис не могу. Финанси — 1 статья в таком предприятии, что-то плохо меня обнадеживающая. Сократить время моего отсутствия из столичного нашего града, — уведом[ь]те меня, скоро ли Алек[сей] Петрович поедет на Линию, и есть ли надежда, что меня воз[ь]мут с собой, впрочем, наши Вельможи хотят или нет, а в сентябре домой²⁹, а не то к К...б...шам¹⁾.

Прощайте, почтен[н]ой Николай Николаевич. Остаюсь Вас любящим

Александр Якубович.

13 мая.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву, в Тыфлис. Свиты Его Императорского Величества — Гвардейского штаба капитану и кавалеру.

(Ф. 254. Ед.хр. 334. Л. 144–145 об.).

¹⁾ Так в подлиннике.

12. А. И. Якубович

1819 года, июня 6 дня.

Милостивой государь, почтенной Николай Николаевич!

Я имел удовольствие получить приятнейшие два №-ра, 9 и 10, в последнем Вы пишете, чтобы я себя оправдал пред Вами. Вы знаете, что можно тысячи причин найти к оправданию, чувствуя себя виноватим, но я не прибегаю к сим средствам, а просто прошу извинить меня, обещаюсь в период с[с]оритца с моей приятельницей ленью и писать к Вам чаще. Но я не надеялся, чтобы Вы могли так дурно думать о моих правилах и предполагать, что я в состоянии Вас забить когда-нибудь; кроме благодарности

какое-то [ч]увство, которому не могу дать названия, заставляет меня Вас уважать и любить и, следовательно, всегда помня свой долг, помню и те одолжения, которые меня обязуют навсегда сохранить в сердце Ваше имя. Насчет охоты скажу, что таскаюсь с утра и до вечера по лесам, бью все, что ни попадаетца, и на днях — гиена чуть мне мокуло не задела. Я по ней стрелял и после с трудом ноги утащил — завтра с С[аликовым] еду на охоту и буду в Самухе, что на Куре — препоручение Ваше насчет рукописей я постараюсь выполнить и к [Сепапикиндскому?] архимандриту поеду на днях. Вот, Николай Николаевич, все, что могу сказать, остаюсь Вас любящий

Александр Якубович.

P.S. Причина, отчего не еду, есть самая законная: финансы плохи, а по справлении этой статьи явлюсь к Вам непременно.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву, Гвардейского Генерального штаба капитану и кавалеру в Тыфлисе.

(Ф. 254. Ед.хр. 334. Л. 161–161 об., 165 об.).

13. А. И. Якубович

1820-го года, марта 14 дня. Карагач[и].

Милостивой государь, почтенной Николай Николаевич!

Уверен, что годичная разлука³⁰ не изгладила из памяти Вас уважающего, и возобновление № не будет Вам тягостно. Год Вашего отсутствия из Грузии бил мне десятью, — в течение этого времени я не бил в Тыфлисе. Несчастья и новые неприятности, которые постоянное самих уставов природы, еще боле дали мне право сказать — я несчастлив! и это отрада в моем положении — гоним вишним начальством, отринут и заброшен здешним, все это вселяет в меня дух неприязни ко всему меня окружающему. Я Вас уважаю и люблю! Буду следовать Вашему совету. Скоро приеду в Тыфлис, объясню мое намерение, и уверен, что чувства чести, и любовь к свободе, так много и Вами уважаемая, будут в этом случае говорить в мою пользу, и мной предпринятое не сочтете следствием неосновательной молодости, — это останетца между Вами и мной. Прощайте, почтенной Николай Ник[олаевич]. Истинное чувство благодарности, любви и уважения к [Вам] будут мне законом с ...¹⁾ Остаюсь Вам преданным

Александр Якубович.

P.S. Поздравляю Вас с успешным исполнением Ваших предприятий.

На обороте адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву. В Тыфлисе. Капитану и кавалеру Свиты Его Императорского Величества Гвардейского штаба.

На первом листе сверху помета: Пол[учено] марта 22 дня.

(Ф. 254. Ед.хр. 335. Л. 55–56).

¹⁾ Верхняя часть слова вырвана вместе с сургучной печатью. Вырвана часть текста в четырех строках, но остальные слова восстанавливаются по смыслу.

14. А. И. Якубович

[август — сентябрь 1820 г.]

Милостивый государь почтенной Николай Николаевич!

Возвратившись с экспедиции, с чувством удовольствия читал я в «Инвалиде» Ваше производство³¹, от чистой души поздравляю; будьте Генерал[ом], управляйте нами. Вы достойны этого; только, чур, не обольщайтесь славой и любящих Вас не позабыть. У нас дела идут хорошо, походец кончился успешно, и 12 пушек, что редкость, и одиннадцать знамен увенчали труды солдат³².

Ружье в Вашем вкусе я достал. И жду Вашего пр[и]езда, чтобы поднести со всей пишностью восточных стран, остаюсь истинно Вас любящий и уважающий

Александр Якубович.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву. В С. Петербург, Гвардейского Генерального штаба г. полковнику.

(Ф. 254. Ед.хр. 335. Л. 106, 109).

15. А. И. Якубович

23 января 1821 г.

Милостивый государь почтеннейший Николай Николаевич!

Со дня отъезда моего до Карагачей я выдержал два сильные пароксизма и после пятидневной скучной дороги по приезде моем в полк я был свидетелем смерти почтенного и близкого сердцу моему Льва Васильевича³³, он меня сперва не узнал, но после двух или трех повторений о моем приезде спросил о новостях Тыфлиса, о Горчакове, Наумове³⁴, и лишился опять чувств, это были последние минуты, в которых прекрасная его душа не расставалась с изнеможенным болезнью его телом.

Я говорил насчет деньщиков Князю Чевчевадзеву³⁵, он принял с удовольствием Ваше предложение и, кажется, готов сделать все, что будет Вам приятно, но выхлопочите только повеление из Штабу о позволении взять Вам деньщиков из полку, а не от меня: по приезде вашем к нам я укажу много кандидатов, и которые вам понравятся, останутся у вас в услугах.

Лошади под съезд ваш в Нуху и конвой генерал Эрстов³⁶ с охотою берется вам доставить, кажется, теперь нет никаких побудительных причин лишать меня истинного удовольствия видеть вас у себя. Почтен[н]ейший Николай Николаевич, я чувствую все одолжения, которыми я пользовался так неоднократно, но если вы хотите совершенно видеть меня вашим должником, может быть, в последний раз, доставьте мне несколько дней приятных вашим приездом.

На подписку вашего сочинения с прискорбием возвращаю вам³⁷, я слишком полагался на просвещенное любопытство моих сотоварищей, но увы... В сию минуту, когда я диктую сие письмо, лихорадка смиряет тело и ослабляет ум, простите великодушно, что смысл и слог не пышен и не правилен, а за правописание отвечает Казассий, а не я. Остаюсь по гроб мой с чувствами почтения и любви Ваш покорный слуга

А. Якубович.

P.S. Все порядочные ожидают вашего приезда с истинным нетерпением, и Нуха представляет богатое поприще для нумистатики. Это Гордеева³⁸... Его сиятельство, посещая меня, препоручил свидетельствовать вам свое почтение.

23 генваря 1821 года.

(Ф. 254. Ед.хр. 336. Л. 25–26).

16. А. И. Якубович

4 февраля [1821 г.]. Нуха.

Милостивой государь, почтенной Николай Николаевич!

Извините, что я не бил обстоятелен и не писал к Вам при отправлении моем с отрядом Эристова. Мы постояли под стенами Белокани³⁹, съели тьму скота, взяли сена и в заключение славных дел захватили старшину не самим прямым средством. Наскучив знаменитыми подвигами и помня данное Вам слово быть в Нухе, отпросился у князя ...¹⁾ и теперь в пароксизме пишу к Вам в доме Антон Мартиновича⁴⁰. Я завтра поищу для Вас древних монет.

Прие[з]жайте, сделайте одолжение, почтенной Николай Николаевич. Я чрез неделю буду обратно в Карагачах и истин[н]о сочту тогда только себя имевшим приятные минуты, когда пробудете сколько-нибудь у меня. Увидите мой курень и разделите миску щей. Не откажите просьбе истинно Вас любящего и уважающего по гроб

Александра Якубовича.

4 февраля. Нуха.

P.S. Антон Мартинович изъявляет Вам чувства своего почтения и преданности.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву. В Тифлисе. Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части полковнику.

(Ф. 254. Ед.хр. 336. Л. 39–39 об., 36).

¹⁾ *Так в подлиннике.*

17. А. И. Якубович

[ранее 8 февраля 1821 г.] [Нуха.]⁴¹

Милостивой государь, почтенной Николай Николаевич!

Сейчас едет в Тифлис брат здешнего Мирзи Измаила, я не хотел пропустить этот случай писать к Вам.

Сделайте одолжение, уведом[ь]те, получили ли Вы ожидаемые мной деньги, и Петрович⁴² удовлетворен ли.

Напишите хоть строчку и дайте надежду, что Вы приедете ко мне. Ей-богу, это будет с вашей стороны мне бесценное одолжение.

Я уеду из Нухи 8 этого месяца. Пропать кор[р]еспондентов [ищут] древностей, по получении же успеха напишу сейчас, остаюсь Вам преданной

А. Якубович.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву в Тифлисе.

(Ф. 254. Ед.хр. 336. Л. 41).

18. А. И. Якубович

23 февраля [1821 г.]. Карагачи.

Милостивой государь, почтеннейший Николай Николаевич!

Простите, что на тры Ваши письма буду отвечать одним, я их получил в отряде, где хаос беспорядка от[н]имал у меня истинное удовольствие вверять бумаге чувства к Вам моего сердца. Прежде всего позвольте Вам описать наш сброд Богородицы, познакомить с храбрым воинством, начальствующими и несноснейшим Карелой (Боже, спаси впредь от дьявольского наваждения).

О солдатах нечего писать, они всегда и везде одинаковы. Но беспутная стая грузинских князей, последуемая подобными себе служителями, составляет у нас телохранителей князя⁴³. Количесвом их человек 400-та. Восходящее солнце застает всю челядь у палатки своего повелителя, которым в награду почтен[н]ейшим за столом мечет хлеб при восклицании Га бичо¹⁾ — и те ловят, считая себя счастливыми, удостоившись такой высокой милости. Про Петра Николаевича и графа⁴⁴ нечего писать, они здесь также почтенны и любезны, как били и прежде.

Теперь-то предстоит самое трудное: исчислить все капризы и странности Карели, ни хто не мог ему угодить, все что рус[с]кое, в косих его глазах скверно, и не имеет никакой цены. Коротче сказать, он есть беспутнейшее и несноснейшее создание из всех питающихся теперь насчет ближнего, или лезгин.

Мне надоело. И я просил князя отпустить меня в Карагачи, к тому ж я немного простудился и это било предложом. Теперь живу в своем курене и ожидаю вашего приезда, для Вас конь доброй готов, и мы начнем рыцарствовать, приезжайте, сделайте одолжение, скорее. Мне очень досадно, что Вы о сию пору не получили ожидаемых мною денег, и имеющимся у меня 700 р., которые к Вам посылаю, прошу ими сколько-нибудь удовлетворить Петровича. Остальные же доставлю при малейшем приходе в мое казначейство. Сто же рублей, сделайте одолжение, употребите на оправу одново из лутших Вам прислан[н]ых стволов, в Черкесском вкусе, прикажите какую Вам угодно на стволе положить золотую насечку, припаять цель и возвишение возле хвостовика сребрание, чтобы лутше можно целить. Гайки и поддульник с чернью, но гладко, без царапанья, и, наконец, белую кость с сребраным прутом и гвоздем, прикрепляющим к ложе. Извините, почтенной Николай Николаевич, что безделицами Вас утруждаю, но Вы охотник к амуниции, и знаете, что сделает ее прекрасной и исправной. К кому же ближе, как не к Вам, прибегнуть мне в таком случае. Прощайте, почте[н]нейший.

Пребуду во всю мою жизнь Вам истинно преданный и готовый к услугам

Александр Якубович.

23 февраля.

Карагач.

NB. Проклятой Курганов⁴⁵ в Нухе закупил все монеты, и мне не удалось ничего собрать.

(Ф. 254. Ед.хр. 336. Л. 57–58).

¹⁾ *Перевод: На, возьми (груз.)*

19. А. И. Якубович

26 февраля [1821 г.]. Карагачи.

Милостивой государь, почтенной Николай Николаевич!

Покорно Вас благодарю за прислание Вами мне вещи и ружейные стволы, — жаль только, что последнее мое письмо не застало их в Тифлисе. Я Вас ожидаю со дня на день, холю Вашу лошадь и наперед восхищаюсь удовольствиями, которые соединены с Вашим приездом. Пожалейте обо мне, мой любимой конь, вороной жеребец, кажетца, волею Божию должен умереть и мне его душевно жаль.

Прощайте, почтен[н]ой Николай Николаевич, в ожидании Вашего приезда пребываю покорнейшим

Александром Якубович[ем].

26 февр[аля].

Карагачи.

Надпись на полях: P.S. Скажите Базилевичу, что при первой оказии перешлю ему прекраснейших пару собак.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию Николаю Николаевичу Муравьеву. В Тифлисе. Гос[подину] полковнику и кавалеру.

(Ф. 254. Ед.хр. 336. Л. 56 об., 59).

20. А. А. Авенариус⁴⁶

15 июля 1823 г. Лагерь в Гергерах.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Инспектор мой г. Мерлини имел терпение дожидаться меня два дни, и столько же томить мелочами смотра, вчерась отправился в Тифлийский полк, а тем и дал мне свободу отвечать на письмо Ваше от 9 июля.

Ежели предместник Ваш⁴⁷ на запрос Ставропольской комиссии не отвечал, деньгами ли или в натуре желает получить[ь] по сроку [1]823-го года на кивера, то на бумагу Вашу Коммирис[с]иатской департамент даст ответ по 4 р. 50 ко[п]. за кивер, как высочайше утвержденная цена по всей армии. Но по ценам сим в Грузии принять нельзя, ибо здесь курс ас[с]игнациям другой, то и должны дать местный, т. е. в два, что составит 9 рублей ас[с]игнациями. Более же сего требовать нельзя; найдутся охотники и сделают поставку в натуре. У меня в полку кивера одного с Вашим срока, и я уже имею бумагу от Татищева об отпуске мне суммы на кивера. Вам надобно запросить Ставропольскую комис[с]ию: какое она имеет разрешение на отпуск к Вам в полк? — натурой или деньгами.

Прилагаю при сем прейс-курант инструментам и регестр⁴⁸, каких нужно мне для полка. Прошу Вас покорнейше, если что найдете нужным прибавить или отменить, я буду согласен, ибо Вы музыкант, а я гудошник арфеевых в [1 нрзб.].

Вы сделаете мне одолжение, назначив инструмент, и перешлете мне эту записку и уведомите о деньгах; если нужно Вам будет, то я с удовольствием готов прислать и для Вас, ас[с]игнации и серебро достаточно, а червонцы надобно будет выменять, ибо у меня их всего триста. В таком случае Вы меня уведомите, и я пришло к вам всю сумму на инструменты Вам и себе.

Не отяготит ли комисс[с]ия наша почтен[н]ейша[го] Алексея Петровича⁴⁹, постарайтесь узнать. Он из доброго сердца сам предложил. Но мы все не будем правы, если наведем ему скуку, и без того утомительную для него в Грузии.

Завтрашней день я отправлюсь осмотреть две дороги, от Гергеры и от Каменной речки на Амамлы, не знаю, будут ли оные лучше безабдальской дороги⁵⁰?

Благодарю Вас за ноту вечерней зари, я с удовольствием слушаю ее, чем утреннюю. Желал бы отблагодарить Вас подобным, но ей-ей ничего не имею; разве как получу из России.

Большое доставили бы мне удовольствие, когда бы посетили нас в Гергере. Ожидаю, что Вы слово свое сдержите.

С сыстенным¹⁾ почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, покорнейший Вам слуга

Александр Авенариус.

P.S. Может быть, нужно Вам еще что-нибудь насчет киверов или по другому предмету, то прошу Вас требовать от меня, готов с душевным удовольствием сообщить Вам.

15-го июля

1823 года.

Лагерь в Гергере.

На первом листе сверху помета: Получ[ено] 17 июля.

(Ф. 254. Ед.хр. 340. Л. 74–75).

¹⁾ *Так в тексте.*

21. А. А. Авенариус

23 июля 1823 г. Кваиси.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Препровождаю при сем вам рисунок — ратный значки⁵¹, но полагаю: нет ли в гренадерской бригаде каких-нибудь отмен против сей, дабы Вам не сделать себе двойной работы, что очень легко быть может. О чем можно справиться с Поповым⁵² в Гории.

Меня так жар здесь разнял, что я остановился отдохнуть. В 2 часа пополудни [нрзб.]усь в тифлийской ад, и на всякий случай сделал духовную.

С сыстинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вам, милостивый государь, покорнейшим всегда слугою

А. Авенариус.

23-го июля 1823 года. Кваиси.

На первом листе сверху помета: Пол[учено] 25 июля 1823.

(Ф. 254. Ед.хр. 340. Л. 86).

22. А. А. Авенариус

3 августа 1823 г. Лагерь у Безабдали.

Милостивой государь Николай Николаевич!

По данному слову быть у меня на полковом празднике⁵³, посылаю Вам скудельной экипаж, и покорнейший прошу приехать и привезть с собой кого Вам будет

угодно. В суб[б]оту и к вечеру я Вас ожидаю, ибо не полагаю, чтоб Вы отложили до воскресенья.

На случай конверта к Вам по летучей я уже приказал тотчас доставить в Лоры, если только привезут из Башкачет. Но не думаю, чтоб Алексей Петрович решился теперь ехать в Манглис. Ему много письма по прибытии при мне [нрзб.] егеря.

С сыстинным почтением и с нетерпением ожидаю Вас, остаюсь, милостивый государь, покорнейшим слугой

А. Авенариус.

3-го августа 1823 года.

Лагерь у Безабдали.

(Ф. 254. Ед.хр. 340. Л. 96).

23. А. А. Авенариус

24 сентября 1823 г. Квайси.

Милостивый государь Николай Николаевич!

По выходе моем из лагеря я не мог быть у Вас, ибо спешил с лордом Медоксом⁵⁴ в Тифлис чрез Шулаверы застать еще Алексея Петровича! — отъезжающего за Кавказ. По возвращении моем в смертоносные Квайси занялся разными разностями, кружившими мне голову. Больных у меня до ста человек, я сержусь за то, как нельзя больше. К тому же погода усиливает болезнь в людях; все это вместе против воли заставляет проклинать Грузию со всеми ее смертоносными прелестями. Вы! Почтеннейший мой сосед! не берете участия и не хотите даже посетить нас в грусти и дать совет к благу терпения. Прошу Вас пока [нрзб.] пожаловать к нам, за то я наскучу вам моими посещениями, как скоро только распоряжусь. Ей-ей голова кружится.

Посещение Ваше ободрит нас духом, и с новыми силами, с какими примемся за службу, будем обязаны Вам, почтеннейший мой сосед!

Препровождаю при сем к Вам 20-ть аршин красного сукна. А вместе с ним книгу Вашего вояжа и карты⁵⁵. Не откажите мне прочесть и последние Ваше замечаний, которое еще не издано, как Вы мне говорили. Я Вам весьма много благодарен, что дали мне понятие о Хиве.

Прошу Вас искренно, пожалу[й]ста, приежайте, у меня есть много, о чем с Вами говорить, Вы много тем обяжете, истинно почитающего Вас, милостивый государь, покорного Вам слугу

А. Авенариуса.

P.S. Проигранные мной шашки при сем посылаю, приежайте: если найдете во мне рыцаря шахматной игры, я более Вам не буду поддаваться. Девиз рыцаря — не уступить!! Прощайте! С нетерпением Вас ожидаю. А если не приедите, то заставьте думать, что Вы сердитесь.

24-го сентября 1823 года.

Квайси.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 24 сентября. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 341. Л. 42–42 об.).

24. А. А. Авенариус

18 ноября 1823 г. Квайси.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Благодарю Вас за письмо и за присылку [1 нрзб.] минеральной. Мне совестно послать к Вам взамен [1 нрзб.] мачтовую, которая состоит из одних песчаных и извес[т]ковых частей. Когда будете у меня, я представлю Вам все, и тогда выбирайте любые.

Завтре к вечеру я ожидаю к себе Василия Федоровича Тимковского⁵⁶, с ним вместе придет ко мне прибывший по любопытству к смертоносной Грузии адъютант 1-ой армии Сотников⁵⁷, и телом и душой иезуит и весьма умной пролаз. Прошу Вас покорнейше пожаловать ко мне, чем весьма много одолжите. Проведем время весело и без ферзов, которых я, ей-ей, не жалую, ибо весьма глупы и наведут скуку беседе нашей. Я ожидаю Вас, почтеннейшей Николай Николаевич, завтре к обеду и дожидаюсь.

Не буду говорить здесь о новостях, ибо при свидании не будет чем Вас порадовать, на счет укомплектования наших полков, идущими 8-ми ротами с 3-го и 5-го пехотных корпусов. Вот видите, что я Вам почти ничего не сказал!

Весьма благодарен Вам, почтеннейший Николай Николаевич, за присылку нот. Надеюсь с Вами поквитаться. Но! — так как Вы сами музыкант, то опасаясь: чтоб мои ноты, которые выпишу из Петербурга, не были для Вас стары. Вот тогда-то я буду в простеках.

С сыстемным почтением и с желанием всякого Вам блага остаюсь Вам, милостивый государь, обязанный слуга

А. Авенариус.

18 ноября 1823 года.

Тамплъ Квайси.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 18 ноября. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 341. Л. 108–108 об.).

25. А. А. Авенариус

29 декабря 1823 г. Квайси.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Благодарю Вас за письмо от 26 декабря и за поздравление с чином, которым благоугодно было Алексею Петровичу возвестить меня, не знаю, за какую услугу отечеству и службе⁵⁸.

Я прошу Вашего извинения в том, что в день святого Николая совершенно не знал о Ваших именинах; не только что не поздравил Вас письмом, но даже и не посетил почтеннейшего моего соседа! Это такое преступление, которое может только загладиться Вашим ко мне извинением, в чем я и не сомневаюсь.

Поздравляю Вас с прошедшим праздником Спасителя! — всех верующих и не верующих. Я бы охотно был у Вас, если б не были у меня приежжия ферзи с своими шахами, набалдашниками; они-то меня и удержали, по общему принятому обыкновению общежития не оставлять гостей хозяину. Признаюсь Вам, что большое бы доставили удовольствие, если б Вы это время были у меня.

Я не просил Ваших дам к себе потому, что некоторые из них горды, а следовательно, и скучны. А г[оспо]д офицеров для того, чтоб не отнять танцорок на праздниках у своего командира, за что еще бы Ваши дамы не кололи меня булавками, а Вы бы, осердясь, их не пустили. Да и сами бы не приехали. Теперь настали святые вечера, где святость вместе с чертовщиной противодействуют страстям молодых и стариков. Приезжайте, почтеннейший Николай Николаевич, с своими дамами и докладами провести время в Квайсах. Здесь теплее, нежели у Вас, ибо во время танцов мы открываем окна, чего у Вас сделать нельзя для прохлады, за великим морозом по высоте места против Квайс.

Всякий день ожидаю письмо от Майорши Вашей, на согласие отдать дочь за моего штабс-капитана. Но, видно, что ее раздумья не позволят составить счастье своей дочери, или уже сама невеста не хочет избавиться от всех неприятностей домашней у родителей жизни. Весьма будет жаль, когда потеряет хорошего человека и богатого жениха, какой, может быть, ей и не встретится. Пусть себе творит, что хочет. Мое намерение было сделать ей доброе дело.

Весьма радуюсь успехам Вашим на открытии дороги до Минглиса⁵⁹, дай Бог счастья доброму соседу устроить сообщения свои и с нами также, с добрыми соседями.

Насчет оленьих кож, если можно у Ваших мастеров достать хорошей выделки, я возьму охотно. Седельника я не прошу, а пришлю к Вам с учеником все нужные материалы для сделания седел.

К новому году надобно мне ехать в Тифлис для личного почтения начальству и другим достойным людям. В понедельник я выежжаю рано поутру.

Если Вам угодно будет ехать, то приезжайте завтра ко мне и поедемте вместе.

За сим желаю Вам быть здоровым, веселым и счастливым во всех делах, для удовольствия истинно вас почитающего, милостивый государь, покорного слуги

А. Авенариуса.

29-го декабря 1823 года.

Квайси.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 30 декабря. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 341. Л. 176–177).

26. А. А. Авенариус

28 февраля 1824 г. Квайси.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Насилу мог убедить его превосходительство Романа Ивановича⁶⁰ пробыть у меня два дня. В суб[б]оту мы едем на Белый Ключ; воскресенье они ночуют на Алчетне, в понедельник едут на Манглис. Прошу Вас, если можно Вам приехать к нам, то много одолжите, ибо два дни проведем в разных разностях, пожалуй[й]ста, приезжайте.

С сыстнным почтением остаюсь Вам, милостивый государь, покорнейшим слугою

А. Авенариус.

28-го марта. Квайси.

Поблагодарите меня, что я Вам вы[и]грал один день по хлопотам Вашим. Право, это стоит пол-стакана полуше[нрзб].

На втором листе адрес: Его высокоблагородия милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву! Г-ну полковнику и кавалеру и командиру 7-го Карabinерного полка. В Башкечете.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 28 февр[аля] в Башкечете. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 342. Л. 51–52).

27. А. А. Авенариус⁶¹

[14 июля 1824 г. Белый Ключ.]

Прошу Вас, милостивой государь Николай Николаевич! — пожаловать ко мне на Белай Ключ⁶². Завтре я ожидаю его высокопревосходительство Алексея Петровича! Приезжайте разделить время и полюбопытствовать о наших работах из прутиков и лучинок.

Я буду ожидать Вас.

С моим почтением остаюсь Вам, милостивый государь, покорным слугой

А. Авенариус.

(Ф. 254. Ед.хр. 344. Л. 46 об.).

28. П. А. Муханов⁶³

7 июня [1825 г.]. Чинахчи.

Любезный Николай Николаевич!

Как разрушаются все проекты наши, какой бред нашего воображения все ночные беседы наши; с прискорбием уведомляю тебя, любезный друг, что дочь адмирала — замужем. Вот извлечение из письма Бакуниной⁶⁴:

<<Предполагаю, что вам сообщили о бракосочетании м-лль Мордвиновой с господином Львовым. Подробности этого события весьма интересны. Вот уже около 8 лет, как господин Львов был очарован семьей Мордвиновых и стремился под любым предлогом войти в нее, но тщетно. Барышня ему нравилась, но сдержанность ее, если не сказать холодность, не оставляли никаких надежд на успех. И вот этой зимой он решился войти в этот дом посредством сестры, которую она почитает более всех. Кто-то предупредил молодую особу о намерениях Львова, вследствие чего она присматривалась более внимательно. Он понравился ей с первого же взгляда, и уже при 10-й их встрече приняла его предложение руки и сердца. Произошло это у княгини Голицыной, урожденной Ахвердовой⁶⁵, которая и сама дарила сердце и руку г-ну Львову. Семейство пребывают в неопишумемой радости. Невеста подходит по всем статьям. У г. Львова с этим семейством одинаковые вкусы и, несмотря на то, что знакомы они всего 5 недель, вместе чувствуют себя великолепно, как будто прожили всю жизнь рядом. Вот уже десять дней как они помолвлены [...]. Невеста приезжала приглашать нас: она была в сопровождении своего брата, сияющая, пре-

лестная, как цветок в майский день. Она неузнаваемо изменилась с того момента, как решилась ее судьба. Необходимы были обстоятельства подобного рода, чтобы сердце ее, страждущее любви, раскрылось. И она доказывает это удивительной привязанностью к своему жениху. Эта новость поразит кузена Николая, бедный молодой человек; теперь он должен отказаться от своей мечты о счастье, но если бы он мог... Если бы он мог!..» > ¹⁾

Давно ли мы толковали об этом. Любезный Никола, я думаю возвратиться скоро из Карабаха и быть у тебя. На всякий случай, если бы я нашел серую лошадь в Приютный к 19 июня, был бы очень доволен, дабы скорее приехать к тебе, не оставиваясь ночевать.

Все другие проекты столь же неудачны — и мы снова будем изыскивать средства улучшить и устроить наше намерение. Уверен, что тебе несколько прискорбно должно быть известие сие, но, по крайней мере, оно решительно. Прощай, будь здоров. Преданный тебе

Петр Муханов.

7 июня. Чинахчи.

На обороте адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву, 7-го Карабинерного полка командиру в Манглисе.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 21 июня. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 347. Л. 104–105 об.).

¹⁾ В оригинале по-французски.

29. П. А. Муханов⁶⁶

[кон. июня — нач. июля 1825 г.]

Любезный Николай Николаевич!

Прошу тебя прислать мне верховую лошадь, дабы во вторник мог я выехать в Манглис — другую прошу выставить в Приютине.

Много любящий тебя

П. Муханов.

Вели рисунок кузова коляски сделать Романову по размерам.

На обороте второго листа адрес: Его высокоблагородию Николаю Николаевичу Муравьеву.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 6 июля, о[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 347. Л. 136).

30. А. А. Авенариус

30 июня 1825 г. Белый Ключ.

Милостивой государь Николай Николаевич!

Его высокопревосходительство Алексей Петрович завтра в 6-ть часов утра едет к Вам, поручил мне уведомить о том Вас, а вместе с тем просить выслать им дрожки на дорогу, лежащую к вам от Цалки. Они поедут от меня на дрожках, а Беденским полем верьхом, до самого спуска, пред которым будут отдыхать, а потом под гору

пешком и выйдут на дорогу, как я выше сказал, и на этом месте дрожки Ваши должны их ожидать. А как я слышал от Вас, что дорога грязна, то не худо, если б дрожки были в пять лошадей. Да не забудьте приказать прокосить дорогу от спуска. Трава тут так высока, что и не выдерешься, тогда посылайте нас вытаскивать.

Все, которых Вы у меня видели, едут к Вам, кроме Геркулесова внука князя Севердземидзева⁶⁷, уехавшего вчера в Тифлис.

Примите истинное почтение и совершенную преданность, с которым[и] пребуду навсегда к Вам, милостивый государь, покорнейшим слугою

А. Авенариус.

P.S. А как у вас будет много гостей, то прошу Вас приказать мне поставить солдатскую палатку, ибо невозможно всех поместить в доме. Я привык к лагерю. Прощайте, почтеннейший сосед, до свидания. Постараюсь уговорить ехать к Вам изнеженного лорда Медокса, пугающегося всегда дурной дороги.

30-го июня 1825 года.

Белый Ключ.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 30 июня. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 347. Л. 124–124 об.).

31. А. А. Авенариус

30 июля 1825 г. Белый Ключ.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Па возвращении моем из Тифлиса нашел письмо Ваше, на которое не мог тотчас ответить по разным делам службы. Посланные деньги с ун[тер]-офи[цером] 30 рублей серебром получены.

За день до выезда Алексея Петровича на линию получено донесение, что генералы: Лисаневич ранен двумя ударами кинжала, а Греков заколот⁶⁸, и еще с ним один Мурав. Несчастный этот случай весьма потревожил Алексея Петровича, который, будучи не весьма здоровым, но выехал к месту происшествия.

В горах явился новый лже-пророк, предсказывающий тамошным набалдашникам истребление всех рус[с]ких, и что он могуществом своим может иссушать реки и летать на бурке⁶⁹. Нашлись дураки дать ему веру, и напроказили. Аксаевцы были собраны или призваны в одну крепость; из толпы вызывали верующих в нового пророка, двух схватили, попросили третьего, этот напичкан фанатизмом — бросился с кинжалом на Лисаневича, дал ему две раны, потом Грекова наповал, а затем и — своего Мурава. Вот следствие неосторожности с варварами. Покойный Греков (как говорят) весьма хорошо знал, какие брать меры, схватив[ши] негодяев, но в присутствии Лисаневича, как своего начальника, видно, не мог, а может быть, тот и не хотел взять предосторожность при этом случае. По крайней мере, так предполагают о случившемся несчастии. Если б был один Греков, то этого бы не случилось.

Теперь у меня столько работы, что никак не могу приступить к дороге к ближайшему к Вам сообщению, разве в [ос]ень. Благодарю Вас за приглашение. Если б Вы были свидетелями всех моих забот по постройкам и по вновь строящим[ся] мельницам, к ним новым пролагаемым дорогам, то извинили бы меня, а может быть, и

пожалели бы хлопотам, Бог знает, для кого трудящим? Если Вы будете иметь свободное время, то покорнейше прошу пожаловать ко мне и давать полезные советы по всем частям нового нашего водворения, отчего у меня, ей-ей, голова кружится, а помощ[и] никакой нет, как одной надежды на почтенного соседа!

Лорд Медокс разделяет со мной мое уединение, который свидетельствует вам свое почтение. Ожидаю к себе земляка моего барона Эрте и графа Толстековско-го (Соколовского), как полезных людей; одного по эксизам, другого по музыке. Пожалуйста, приезжайте к нам, чем сделаете большое мне удовольствие. И как освобожусь от хлопот, то никто столько не наскучит Вам посещениями, как я. Прodelаю дорогу ближайшую и всякой день у Вас, хоть Вы мне и не будете рады, но я Вам рад!

С сыстанным моим почтением и совершенною преданностью пребуду навсегда Вам, милостивый государь, покорнейшим слугой — и добрым соседом.

А. Авенариус.

P.S. Жар у нас до 28 градусов, но ненадолго, в два часа уже прохладно, у Вас, полагаю, должно быть жарче.

30 июля 1825 года.

Белый Ключ.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 9 августа. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 347. Л. 171–172).

32. А. А. Авенариус

25 января 1827 г. Белый Ключ.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Имею честь рекомендовать Вам вручителя сего, Дмитрия Алексеевича [осподи] на майора Мартынцова, переведенного к Вам в полк. Весьма уверен, что Вы будете им довольны столько ж, как и я, службой и усердием его, и найдете в нем преблаго-роднейшего человека во всех отношениях.

Примите уверение в истинном моем к вам почтении и преданности, с которым[и] остаюсь навсегда, милостивый государь, покорнейшим слугою

А. Авенариус.

25-го января 1827 года.

Белый Ключ.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 7 февраля. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 352. Л. 27).

33. А. А. Авенариус

20 февраля 1827 г. Белый Ключ.

Милостивый государь Николай Николаевич!

Его превосходительство Алексей Александрович Вельяминов⁷⁰ поручил мне переслать к Вам рисунок походной телеги и сухого лесу на постройку оной. Рису-нок при сем препровождаю, а лесу сухого нет, было его много, но весь перевели на

походные телеги для возки в ротах сухарей. Уведомляя о сем, с системным почтением остаюсь вам, милостивый государь, покорнейшим слугой

А. Авенариус.

Февраля 20-го дня 1827-го года.

Белый Ключ.

На первом листе сверху пометы: Пол[учено] 25 февраля. О[твет] д[ан].

(Ф. 254. Ед.хр. 352. Л.37).

34. А. А. Авенариус

5 августа 1827 г. Лагерь при р. Курачай.

Милостивый государь Николай Николаевич!

При многотрудных занятиях Ваших, Вы нашли еще время обязать меня письмом вашим от 25 июля. Примите истинную мою благодарность, с уверением искреннего к вам уважения.

Никогда не вопиял я к Небу, а теперь имею справедливую причину роптать на судьбу! — что бросила нас в Карабах и не удостоила участвовать в славе побед почтеннейшего начальника Ивана Федоровича⁷¹. Вы трактуете о мире, а мы еще и не дрались, и, по-видимому, нам и не удастся.

Мы провожаем к Вам транспорты с провиантом, а это такая тяжкая комиссия, что лучше всякой день по сту раз бить и гнать персиян, чем провожать арбы, растянутые на 5-ть верст по гористой и дурной дороге. Беспрестанная ломка, недочет в быках от падежа, а главное: что на всей дороге нет совсем корму и в двух местах воды. Все это так озабочивает, что портит кровь без надежды к поправлению; поход в Таврис, заверяют меня, все бы поправил, но наше ли это счастье?

Весьма бы желал с последним транспортом в мою очередь прибыть к Вам и вместе с Вами следовать в Таврис.

Этой милости почтеннейший Иван Федорович, конечно, для нас, черекенских, не сделает.

Вчерашний день на рассвете [1 нрзб.] более трех тысяч конных персиян атаковали Реута⁷², сшедшего с порожними 4-юстами арбов от реки Акары. Реут атаковал их сам тремя ротами и двумя пушками, прогнал. Весьма счастливо, что атаковали его не на походе, а то на 5-ти верстах растянутый транспорт защищать было бы не без убытку в быках.

Весь июль месяц здесь был весьма прохладен, зато первые числа августа дают чувствовать всю лютость жара. Больные даже и у меня умножаются, чего во все лето не бывало.

При истинном к Вам почтении и преданности поручаю себя доброму Вашему расположению и в надежде сей остаюсь Вам, милостивый государь, покорнейшим слугой

Александр Авенариус.

P.S. Нетерпеливо желаю поздравить Вас генералом. Я весьма уверен, что не задержут. Даже предвижу, что Вы будете нашим начальником штаба. Не подумайте, чтоб дар пророчества получил я через фриштик Эзекииля. Ничего не слышу о